

РОССИЯ И ЕЕ «КОЛОНИИ»

О том, как
Грузия, Украина, Прибалтика
и прочие республики вошли
в состав РОССИИ

И. М. Стрижова

Н. М. Терехова

Россия и ее «колонии». Как Грузия, Украина, Молдавия, Прибалтика и Средняя Азия вошли в состав России

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7714976

*Россия и ее «колонии». Как Грузия, Украина, Молдавия, Прибалтика и
Средняя Азия вошли в состав России: Даръ; Москва; 2007
ISBN 978-5-485-00111-7*

Аннотация

В последние годы многие бывшие республики, входившие в состав СССР, став независимыми государствами, начали доказывать своим гражданам и всему миру, что в XX веке Россия их оккупировала и на протяжении десятилетий боролась с их свободой и самобытностью. Новоявленные правители забыли, что их народы вошли в состав России задолго до 1917 года и что нас связывает история, насчитывающая многие столетия. В книгу вошли статьи и документы, рассказывающие о том, когда и

при каких обстоятельствах Грузия, Украина, Молдавия и другие страны вошли в состав России.

Содержание

Предисловие	7
Присоединение украины	17
Освободительная война украинского народа. воссоединение украины с россией[2]	17
Украина под властью Речи Посполитой	17
Богдан Хмельницкий	24
Победы украинских войск у Желтых Вод, под Корсунью и Пилявцами	27
Ход освободительной войны в 1649 – начале 1651 гг.	34
Подъем антифеодального движения в Польше	37
Военные действия на Украине в 1651– 1653 гг.	38
Земский собор 1653 г.	41
Переяславская Рада	43
Историческое значение воссоединения Украины с Россией	44
Ключевский В.О.[4] Малороссийский вопрос	49
Соловьев С.М. Продолжение царствования Алексея Михайловича[5]	57
Костомаров Н.И. Малороссийский гетман Зиновий-Богдан Хмельницкий[6]	94

Россия и ее «колонии».
Как Грузия, Украина,
Молдавия, Прибалтика
и Средняя Азия
вошли в состав России
Редакторы составители
И.М. Стрижова,
Н.М. Терехова

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ

Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ II

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА:

Интернет-портал

«ПРАВОСЛАВНАЯ КНИГА РОССИИ»

www.pravkniga.ru

Предисловие

Возможно, это покажется банальным. Возможно, это давно набило оскомину. Но нельзя не говорить об этом. Мы – русские, и должны нести это звание с гордостью, должны соответствовать тому лучшему, что есть в русском народе, что выработалось на протяжении многовековой истории. Это то звание, которое мы должны нести с высоко поднятой головой. Русский человек не может представить своей жизни без любви к Отечеству, жизни без России, поэтому для многих эти понятия слились воедино.

Сколько было приложено усилий к тому, что на протяжении последних лет слова «русский» и «русское» заставляли нас стыдливо опускать глаза. То ли дело «американский», «европейский»... С каким упоением нам пытались привить (к сожалению, эти попытки продолжаются и по сей день) культуру, во многом чуждую, культуру, которая должна была растоптать нашу самобытность, нашу индивидуальность, тот самый русский дух, непонятный, пугающий и, одновременно, интересующий многих иностранцев...

К счастью, относительно недавно наметились положительные изменения в этой области: в русском народе началось пробуждение национального самосознания и национальной гордости. И когда наш народ стал освобождаться от навязанного ложного стыда за свое Отечество и стал ощущать гордость за свою нацию – сразу же обрушилась антисоветская (а следом, и антироссийская) пропаганда, направленная на дискредитацию власти и государства в глазах сограждан. Но удар этот пришел не извне, как следовало ожидать, а как бы изнутри, от наших же с вами братьев, от народов, которые на протяжении сотен лет были нашими соратниками, союзниками, практически соотечественниками. На страницах прессы, на экранах телевизоров мы то и дело видим лидеров стран ближнего зарубежья, которые с ожесточением говорят о России как о стране-узурпаторе, стране-работителе, «тюрьме народов».

Мы намеренно не разграничиваем в данном контексте Россию и СССР, как это не делается и авторами подобных высказываний. Ведь если бы это разграничение существовало в сознании президентов Грузии, Латвии, Литвы – какие бы претензии на действие властей СССР они смогли бы предъявить нам, современным жителям России? Но претензии к нам есть и продолжают расти, подобно снежному кому. А значит – что Россия, что Союз – все для них одно, единое целое. И мы, в свою очередь, не будем возражать против подобного отождествления. СССР – неотъемлемая часть рус-

ской и российской истории. Плохая или хорошая – решает каждый для себя. Но она была. И нельзя предавать ее безжалостному забвению.

И страна-«поработитель» вынуждена реагировать, отвечать, защищать свою честь и свой народ. Защищать не с кулаками, помня, что это братские народы, прожившие с нами бок о бок не одну сотню лет, помня, что за пышущими злобой высказываниями политиков скрывается не неприязнь самого народа, простых, не власть предержащих граждан, а неприязнь и неприятие России с ее самобытностью, которые исходят со стороны крупнейших стран, посягающих на мировое господство. Стран, для которых лидеры небольших государств – не более чем марионетки...

В последнее время мы часто слышим о геноциде народов прибалтийских стран, грузинского и других народов.

Что же подразумевается под словом «геноцид»? Согласно *Словарю иностранных слов*¹, геноцид – «уничтожение отдельных групп населения по расовым и национальным (религиозным) мотивам – тягчайшее преступление против человечества». То есть Советский Союз, «империя зла», как его называют некоторые, на протяжении семи десятилетий своего существования не смог стереть с лица земли неугодные народы, находящиеся под его властью? И вместо этого занимался поддержкой и развитием экономики и социальной сферы в республиках?

¹ Словарь иностранных слов. – М., 1954.

Если бы это был на самом деле геноцид, о котором так часто приходится слышать, то на сегодняшний день на карте просто не осталось бы таких стран, как Латвия, Эстония, Литва, Грузия, наконец. И что самое главное, не осталось бы и представителей данных народов, в том числе и их настоящих лидеров, столь много говорящих об ужасающих последствиях геноцида.

Оставив на минуту современность, зададимся вопросом: как же сложилось, что такие различные по духу народы собрались воедино? Может быть, они были собраны вместе стальной десницей Российской империи, а на самом деле желали всегда оставаться свободными и независимыми? Может быть, это было жестокое порабощение, не оставившее свободолюбивым народам возможности выбирать?

...В последние десятилетия XVIII в. Турция и Персия терзали христианские народы Кавказа, не щадя и своих – мусульман-азербайджанцев. По историческим данным, к тому времени на территории нынешней Грузии оставалось всего 70 тысяч мужчин.

Еще несколько лет кровавой истребительной войны – и не осталось бы ни одного.

В 1557 г. горяне-кабардинцы, изнуренные татарскими набегами, приняли русское подданство, для верности выдав замуж за Ивана Грозного свою княжну. Через четверть века под покровительство Московского государя перешли жи-

тели окрестностей Беиштау. На такой же шаг решился и Александр II, царь Кахетии, но Россия в те далекие времена не смогла взять под свое покровительство христианские народы Кавказа, ограничившись лишь материальной помощью.

В 1760 г. кахетинский царь Ираклий II, объединивший Кахетинское и Карталинское царства, стоял перед выбором: или ради спасения народа сменить христианство на ислам, или отдаться под высокую руку императрицы Екатерины II, армии которой громили турков по всему Причерноморью. 24 июля 1783 г. в российской крепости Георгиевск, в Предкавказье, по инициативе Ираклия II, подталкиваемого смертельной опасностью, которой подвергался его народ, уполномоченными Российской империи и Картли-Кахетинского царства был подписан Георгиевский трактат. Восточная Грузия вступила под покровительство великого северного соседа. В рамках соглашения объединенному царству была предоставлена полная внутренняя автономия. Россия гарантировала его территориальную целостность, безопасность границ, содействие соборности грузинских земель, разделенных между семью враждующими царствами и княжествами.

12 сентября 1801 г. Георгий XII, представитель славной династии Багратидов (одним из ярчайших представителей которой стал герой Бородинского сражения генерал Петр Багратион), подписал манифест о передаче верховной

власти над Восточной Грузией русскому царю Александру I. Вскоре примеру Картли-Кахетии последовали царства и княжества Западной Грузии: Мегрелия, Имеретия и Гурия. В 1810 г. русские войска взяли штурмом турецкую крепость Сухум-кале, что дало возможность присоединения к России Абхазии.

Вот лишь краткое изложение истории присоединения к России Кавказского региона, как нельзя более ярко показывающее истинное положение дел.

Несомненно, что в истории каждого народа есть как светлые, так и темные, страницы. И в истории русского народа было много того, что никогда не смогло бы стать предметом гордости потомков...

Однако не следует забывать, что судьбу народа зачастую решает не сам народ (исключением в данном случае может являться период революций и гражданских войн, но и здесь следует учитывать определенные политические (и не только) нюансы и тонкости), а единицы, «кучка людей», правящие без того, – вершители народных судеб.

Исходя из вышесказанного, нам представляются необоснованными последние обвинения русского народа в грехах «отцов» и «дедов». Ведь, по мнению зарубежных «ораторов», получается так, что Россия и россияне должны до конца жизни расплачиваться за грехи той «кучки людей», что в общем хаосе смогла пробиться к власти и распорядиться

судьбами страны и народов, живущих на ее территории...

Вдвойне несправедливо обвинение современных жителей России со стороны грузинских лидеров в грехах «предков», носивших фамилии Ордженикидзе, Джугашвили, Енукидзе, Берия...

Нельзя отрицать, что в истории России (и СССР) были и такие моменты, которые на века запятнали позором имена верховных правителей. Но и тогда в первую очередь страдали жители России, а не жители республик.

И все же... задачей книги «Россия и ее? колонии?» не является очернение кого бы то ни было или, наоборот, преувеличенное восхваление добродетелей Российского государства.

Предметом данного исследования стали исторические события, которые, за давностью лет, могут быть изучаемы (и давно изучены) достаточно хладнокровно. История вообще с трудом терпит лукавство, попытки «обелить» одну из сторон – ведь факты говорят за себя. Тема, выбранная нами для исследования – присоединение к России Украины, Молдавии, Прибалтики, Средней Азии и Кавказа. Аргументы – исторические документы, грамоты и договоры, подтверждающие сказанное и не дающие право лукавить и лгать.

В изложении исторических событий, руководствуясь документами, трудами русских историков, мы стремились как можно точнее показать читателю истинную картину расши-

рения границ Российского государства, объяснить, как получилось, что под двуглавым орлом Российской империи, а позднее – под «серпом и молотом» Советского Союза собрались, как неоперившиеся птенцы, перечисленные выше области и регионы? Что послужило причиной этого?

Как из этих разрозненных и столь различных этносов сформировалась одна семья, просуществовавшая не одно десятилетие, и почему с некоторыми из этих народов история нашего сосуществования насчитывает не одну сотню лет?

Думается, мы поступим справедливо, оставив кесарю кесарево, а Богу Божье, предоставив «мудрым мира сего» играть в их политические игры, в основе которых лежит стремление вызвать взаимную ненависть и неуважение в наших народах. Несмотря на подобные попытки, все же мы – это одна семья, единое целое. Как и в любой семье, между нами случались конфликты, возникали разногласия, недопонимания. Возникали зачастую на почве самобытности и яркости каждого народа, которую «не втоптали в грязь» «поработители» (т. е. наши предки), как полагают многие, но которой дали возможность развиваться и совершенствоваться.

Вполне очевидным представляется и то, что каждый из нас по отдельности – слаб. В связи с этим вспоминается рассказ Л. Н. Толстого о братьях, которым отец предложил сломать веник. Вывод напрашивается сам собой. Мы сильны не

каждый по себе, но в единении, в сотрудничестве, во взаимовыручке.

Безусловно, неоспоримым является тот факт, что Россия нужна бывшим советским республикам в качестве экономического, делового и, возможно, политического центра. И мы отчетливо видим это сейчас (после развала столь нелюбимого многими СССР) по нескончаемому потоку мигрантов из бывших союзных республик, «рвущихся» в центр России, оставив дома голодные семьи, ждущие с нетерпением очередного денежного перевода... И общаясь с молдаванином или украинцем после очередного громкого заявления правителей, видя извиняющееся выражение лица и тревогу в глазах, слыша: «Мы же с вами (с Россией), мы же вас любим и без вас никуда!» – про себя думаешь: «За державу обидно!» Нет, не столько за современную Россию, которая, Бог даст, была, есть и будет, а за ту *Россию*, собравшую под своим крылом десятки и сотни народов и народностей, ставшую им не мачехой, а любящей матерью, которая, к большому сожалению, существует в настоящее время лишь в сердцах людей, а не на карте...

* * *

Исторические документы, а также главы из трудов русских историков, собранные в данной книге, приводятся в со-

ответствии с нормами современной орфографии и пунктуации. Главы, в которых не указан источник, написаны И.М. Стрижовой и Н.М. Тереховой. Предисловие и заключение – И.М. Стрижовой.

Присоединение украины

Освободительная война украинского народа.

воссоединение украины с россияей²

Украинские земли в первой половине XVII в. входили в состав Польши, Венгрии, Османской империи и России, причем наибольшая часть Украины – от Карпат до Полтавы и от Чернигова до Каменец-Подольска – оставалась под властью Польши. Под ее же властью находилась и Белоруссия.

Украина под властью Речи Посполитой

Усиление феодальной эксплуатации в Речи Посполитой и рост политического влияния магнатства с особой силой проявились на украинских и белорусских землях. Путем насильственных захватов земель на Украине были созданы огром-

² Всемирная история. Энциклопедия: В 10 т. – М., 1958. – Т. 5.

ные латифундии³ таких магнатов, как Конецпольские, Потоцкие, Калиновские, Замойские и др. Так, Конецпольскому на одной Брацлавщине принадлежало 170 городов и местечек, 740 сел. Он же владел обширными землями на левобережье Днепра. Одновременно росло и крупное землевладение украинских феодалов, которые к этому времени приняли католическое вероисповедание и ополячились. К их числу принадлежали Вишневецкие, Кисели, Острожские и др. Князьям Вишневецким, например, принадлежала почти вся Полтавщина с 40 тыс. крестьянских и городских дворов, Адаму Киселю – огромные поместья на Правобережье и т. д.

Рост магнатского и шляхетского землевладения на Украине сопровождался дальнейшим увеличением крестьянских повинностей. В первой половине XVII в. размер барщины украинских крестьян резко увеличился. Кроме выполнения барщинных повинностей, крестьяне были обязаны поставлять на панский двор хлеб, птицу, яйца. Шляхтичи и магнаты взимали с крестьян деньги и при оформлении брака, и при получении наследства. Крестьян принуждали молоть хлеб только на панской мельнице, пользоваться только панской кузницей и покупать водку и пиво исключительно в панской корчме. Особенно тяжелым было положение крестьян в имениях, сдаваемых в аренду купцам, ростовщикам или шляхтичам. Стремясь в кратчайший срок с лихвой возместить арендную плату, арендатор хищнически эксплуати-

³ Крупные помещичьи землевладения. – *Ред.*

ровал имение и нередко начисто опустошал хозяйства крестьян. Чтобы предотвратить бегство крепостных, арендаторы часто высылали крестьян на работу в кандалах и неделями не отпускали их из имений.

Жизнь и имущество крестьянина находились в полном распоряжении феодала. Француз Боплан, проживший на Украине 17 лет, отмечал, что крестьяне там чрезвычайно бедны, они вынуждены отдавать своему пану все, что тот захочет; их положение хуже, чем положение галерных невольников. Шляхтичи и магнаты называли украинских крестьян «быдлом», т. е. скотом. За малейшее неповиновение крестьянин мог подвергнуться жестоким пыткам. Непокорных паны приказывали вешать и сажать на кол. Конецпольский предписывал своим подчиненным беспощадно расправляться с восставшими крестьянами: «...Вы должны карать их жен и детей, и дома их уничтожать, ибо лучше, чтобы на тех местах росла крапива, нежели размножались изменники его королевской милости и Речи Посполитой».

Почти в таком же бесправном положении находились жители городов – мещане. Ни в одном государстве Европы не было такого количества частновладельческих городов, как в Польше. В Киевском и Брацлавском воеводствах более 80 % городов и местечек принадлежало частным владельцам. Наиболее доходные промыслы в городах – винокурение, пивоварение, рудокопный, поташный и др. – составляли монополию короны и шляхты. Мещане не могли конку-

рировать с беспощадной торговлей панов продуктами, скотом, кожей. Наравне с крестьянами они платили панам многочисленные подати со всех источников своих доходов. Слабая королевская власть не была в состоянии защитить горожан от произвола магнатов и шляхты.

Тяжелое положение украинского народа усугублялось господствовавшей в стране феодальной анархией. Крестьяне страдали не только от своих панов, но и от постоянных наездов «чужих» феодалов. Непрерывавшаяся вооруженная борьба между отдельными шляхетскими группировками разоряла украинские села и города. Особенно прославился грабительскими набегами в 30-40-х гг. XVII в. шляхтич Лащ. Современник писал о Лаще, что он «насильничал, убивал, отрезал уши и носы, уводил девушек и вдов и выдавал их замуж за своих негодяев, вместе с ним участвовавших в грабежах». Лаща 236 раз приговаривали к изгнанию и 37 раз к лишению чести, но покровительство магната Конецпольского обеспечивало ему полную безнаказанность. Демонстрируя эту безнаказанность, Лащ однажды появился в королевском дворце в шубе, подшитой судебными приговорами.

Феодальная эксплуатация украинского народа усиливалась национальным и религиозным гнетом. В некоторых крупных городах, например во Львове, украинцам был закрыт доступ в цехи, их ограничивали в торговле, лишали права участвовать в городском суде и самоуправлении, стро-

ить дома в центре города и т. п. Официальным языком на Украине был польский. Паны грубо попирали местные обычаи.

В своем наступлении на украинский и белорусский народы польские феодалы опирались на воинствующие католические круги. Католическое духовенство во главе с папой не только поддерживало, но и вдохновляло политику ассимиляции и окатоличивания украинского и белорусского народов. Одной из важнейших задач политики папства и господствующего класса Речи Посполитой было насаждение католицизма среди украинского и белорусского населения. С этой целью была введена уния Православной и Католической Церквей. Униатская Церковь получала право отправлять церковную службу на славянском языке, но признавала главой Церкви папу и принимала католические догматы, становясь в подчиненное отношение к Римской Церкви. Поэтому уния Православной и Католической Церквей, провозглашенная на Брестском соборе 1596 г., стала средством порабощения украинского и белорусского народов польскими феодалами. Украинцам в городах чинили препятствия в отправлении православных религиозных обрядов, запрещали строить православные церкви, заставляли все население вносить десятину на содержание ксендзов и костелов.

Постоянной угрозой для украинского народа были грабительские вторжения татарских отрядов. Крымские татары из года в год совершали набеги на Украину, опустошая ее села и

города. Полные драматизма сцены разыгрывались на невольничьих базарах Стамбула и других турецких городов, где продавался «ясырь» – пленные, захваченные хищными кочевниками во время их набегов на окраины России и Украины.

Речь Посполитая слабо охраняла южные границы государства и не умела организовать настоящего отпора татаро-турецкой агрессии. В то время как южные границы России были защищены укрепленными чертами с острожками и наблюдательными пунктами, украинские земли оставались почти открытыми для нападения кочевников.

Господство польских панов и непрекращающиеся нападения турецко-татарских полчищ угрожали самому существованию украинского народа, тормозили рост производительных сил страны, создавали смертельную опасность для украинской культуры.

Политика социального и национально-религиозного угнетения населения Украины, проводимая польскими магнатами и шляхтой, встречала решительный отпор со стороны украинских крестьян, мещан и казаков. Борьба украинского народа против социального гнета проявлялась в отказе от выполнения повинностей, поджоге панских поместий, массовом бегстве на земли Южной Киевщины, Брацлавщины и Подолии, а также в низовье Днепра.

Оседавшее здесь население – в основном это были украинцы, но сюда прибывали также белорусы, русские, поляки,

литовцы – выступало против польских магнатов, Католической Церкви и боролось против татарских набегов. В условиях этой борьбы еще в начале XVI в. стало складываться украинское казачество, а в середине XVI в. на днепровских островах, расположенных ниже порогов, возникла Запорожская Сечь. Уже в конце XVI в. и особенно в первой половине XVII в. Сечь фактически не признавала власти Польши. На Сечь ориентировалось не только население Поднепровья, но и все слои и группы украинского общества, страдавшие от классового и национального гнета. Сечь поддерживала постоянные связи с Россией, с донскими казаками, нередко организовывала вопреки воле польского правительства военные походы против Крымского ханства и Турции.

В социальном отношении казачество не было однородным. Его верхушку составляли старшие казаки, или старшина. Они владели землей на Киевщине, Брацлавщине, Полтавщине, эксплуатировали бедных казаков и крестьян, занимались ростовщичеством. Старшие казаки обычно выбирались на командные должности, причем, используя свое влияние, они добивались переизбрания. Из среды этих казаков выходило немало мелких и средних украинских шляхтичей. Подавляющая масса казачества, не занесенная в особый список (реестр) и все время пополнявшаяся беглыми крестьянами и горожанами, составляла наиболее активную силу в борьбе против феодально-крепостнического гнета.

В этой борьбе участвовали также украинские города. В

среде городского населения возникали особые братства, например в Киеве, Львове и других городах. Формально эти братства являлись объединениями церковно-просветительного характера, по существу же они играли роль своего рода центров национально-освободительной борьбы. Братства имели свои типографии, издавали учебники и публицистические произведения, направленные против католицизма и унии. Таким образом, освободительное движение на Украине охватывало различные слои украинского народа, выливалось в самые разнообразные формы.

Сопrotивление украинского народа натиску польско-литовских феодалов, а также наступлению Католической и Униатской Церкви усилилось в конце XVI и в первой половине XVII в., когда на Украине одно за другим вспыхивали восстания крестьян, казаков и мещан. Перевес сил в этот период был на стороне магнатско-шляхетской Речи Посполитой, которой удалось потопить народные восстания в крови. Однако, несмотря на жестокие расправы панов, борьба народных масс Украины не прекращалась. В 1648–1654 гг. она вылилась в широкую освободительную войну, возглавленную выдающимся государственным деятелем и полководцем Богданом Хмельницким.

Богдан Хмельницкий

Богдан Хмельницкий был широко известен украинскому

народу задолго до начала освободительной войны. Для своего времени он был образованным человеком, знал несколько языков, был хорошо знаком с историей своего народа, а также с историей соседних народов. Выходец из мелкой украинской шляхты, Хмельницкий, начиная с 20-х гг. XVII в., принимал участие в походах против крымских татар и в освободительной борьбе украинского народа, в частности, в крестьянско-казацких восстаниях 1637–1638 гг. Полный тревог и волнений жизненный путь Хмельницкого способствовал развитию в его характере таких черт, как воля, настойчивость, мужество и отвага. «В поведении, – писал венедианец Вимины, – он мягок и прост, и этим вызывает к себе любовь казаков, но, с другой стороны, он поддерживает среди них дисциплину суровыми карами». Паны знали о том, что Хмельницкий, по словам того же Вимины, «был последователем бунтовщиков Острянина и Гуни, участником дела, за которое сами предводители заплатили своими головами, а он избежал заслуженного наказания». Участие в этих восстаниях не прошло, однако, бесследно для Хмельницкого. В 1638 г. он был лишен должности войскового писаря и стал простым Чигиринским сотником.

Хорошо зная настроение украинского народа после поражения восстаний 1637–1638 гг., Хмельницкий был уверен в том, что национально-освободительная борьба будет продолжаться. Об этом ярко свидетельствуют слова Хмельницкого, сказанные им гетману Конецпольскому в 1639 г. во вре-

мя осмотра крепости Кодак, считавшейся оплотом польского господства над

Украиной. Когда Конецпольский указал на Кодак как на своего рода символ этого господства, Хмельницкий заявил: «Все созданное рукою, рукою же может быть разрушено».

Польские паны, напуганные недавними крестьянско-казацкими восстаниями, с тревогой наблюдали за деятельностью Хмельницкого. Еще в эти годы польские власти неоднократно подсылали к нему убийц. Позже он стал жертвой панского произвола: польский шляхтич Чаплинский во время отсутствия Хмельницкого разграбил его хутор Субботов, насмерть засек батогами его малолетнего сына и увез жену.

Террористические действия шляхты ускорили осуществление тех планов, которые давно вынашивались Хмельницким и которые отвечали чаяниям самых широких слоев украинского народа. Когда чаша терпения переполнилась и народ поднялся на борьбу, Хмельницкий выступил в качестве организатора и предводителя его военных сил.

В конце 1647 г. Хмельницкий во главе небольшого отряда направился в низовья Днепра. Пополняясь многочисленными отрядами беглых крестьян и казаков, войско Хмельницкого быстро росло. Уже в январе 1648 г. отряды Хмельницкого заставили капитулировать польский гарнизон, находившийся в районе Запорожской Сечи. Вскоре Хмельницкий был провозглашен гетманом войска Запорожского. Его призывы к расширению борьбы против иноземного влады-

чества находили широкую поддержку у трудовых масс украинского народа.

Победы украинских войск у Желтых Вод, под Корсунью и Пилявцами

Развертывание освободительной борьбы украинского народа протекало в очень сложных внешнеполитических условиях. Еще при разработке планов восстания Хмельницкий считал, что единственного верного союзника украинский народ имеет в лице русского народа и что целью борьбы является воссоединение Украины с Россией. Вместе с тем Хмельницкий знал, что Россия не может оказать ему военную поддержку и что на первом этапе войны придется опираться только на вооруженные силы украинского народа. Стремясь обезопасить свой тыл от татаро-турецких набегов и предотвратить, по крайней мере на ближайшее время, возможность сговора польских и крымских феодалов, Хмельницкий стал на путь переговоров с крымским ханом.

Соглашение с Крымом, заключенное в начале 1648 г., имело не только военное, но и политическое значение. Хмельницкий прекрасно понимал, что крымский хан – ненадежный и временный союзник, заинтересованный лишь в военной добыче и в общем ослаблении всех своих северных соседей. Тем не менее он был вынужден и считал необходимым поддерживать союзные отношения с Крымом до тех

пор, пока Русское государство не будет в состоянии оказать Украине прямую вооруженную помощь.

Между тем восстание в Поднепровье разрасталось. В марте коронный гетман Николай Потоцкий доносил королю о том, что пламя там уже разгорелось, «что не было ни одной деревни, ни одного города, в котором не раздавались бы призывы к своеволию и где бы не замыслили на жизнь и имущество своих панов и арендаторов». В Польше хорошо понимали, что выступлением запорожского казачества дело не ограничится. Потоцкий с беспокойством отмечал, что Хмельницкий с запорожцами подняли восстание «в заговоре со всеми казацкими полками и всей Украиной». Польские магнаты и паны старались в зародыше подавить начинавшееся освободительное движение. Коронный гетман возглавил карательные войска, отправленные на Украину.

6 мая 1648 г. Хмельницкий полностью уничтожил авангард польской армии у Желтых Вод. Через 10 дней под Корсунью произошло крупное сражение, в котором Хмельницкий проявил себя выдающимся полководцем. Располагая сведениями о пути следования польско-шляхетских войск, украинский гетман заранее выбрал место сражения и занял возможные пути отхода неприятеля. Зажатое в клещи, польско-шляхетское войско через несколько часов боя было полностью разгромлено. Победителям досталась вся неприятельская артиллерия. Потоцкий, намеревавшийся «победою над неприятелем украсить святой крест, а также славное

имя королевской милости победным лавром», сам оказался в плену.

В результате побед у Желтых Вод и под Корсунью значительная часть Украины была освобождена. Крупные военные потери Речи Посполитой благоприятствовали дальнейшему развитию восстания, которое охватило новые слои украинского крестьянства, казачества и мещан. Повсеместно возникали крестьянские и казацкие отряды; крестьяне массами «оказывались». Восставшие занимали города и панские усадьбы, уничтожали остатки правительственных и магнатских войск. Началось освободительное движение и в Белоруссии. В развертывании борьбы белорусского народа большую роль сыграли направленные Хмельницким в Белоруссию казацкие отряды. Так, восстание 1648 г. выросло в освободительную войну украинского и белорусского народов против жестокого феодального и национального гнета.

В ходе этой борьбы сложился широкий блок различных социальных сил, объединенных общей задачей освобождения Украины. Главной и решающей силой войны было угнетенное крестьянство, боровшееся против иноземного порабощения и выступавшее против магнатско-шляхетской эксплуатации. Одновременно в освободительной войне принимали участие широкие слои казачества, а также городского населения – средние и мелкие торговцы, мастера, подмастерья и ученики. Не оставалась в стороне от борьбы и украинская мелкая шляхта, связывавшая с успехом восстания свои

планы ликвидации крупного магнатского землевладения на Украине, укрепления своих экономических и политических позиций и устранения влияния Католической Церкви. Только участием в освободительной войне и захватом руководящих должностей украинская шляхта могла сохранить влияние среди населения, с тем чтобы в дальнейшем упрочить в своих классовых интересах феодально-крепостнические порядки. К движению примкнуло и украинское православное духовенство. Существовавшие в лагере украинского освободительного движения социальные противоречия временно отступали на задний план. Хотя в дальнейшем ходе борьбы эти противоречия обострились и становились все более заметными, они все же не привели к распаду сложившегося блока сил, боровшихся за освобождение Украины.

Освободительная война украинского народа была вместе с тем и борьбой за воссоединение Украины с Россией. Выражая волю украинского народа и выполняя решение созванной под Корсунью войсковой Рады, единодушно высказавшейся за воссоединение с Россией, Хмельницкий уже в 1648 г. поставил этот вопрос перед русским правительством. В своем обращении к царю в июне этого года он писал: «Зичили бих-мо (желали бы мы. – *Ред.*) собі Самодержца Господаря такого в своей землі яко ваша царская велможност православний хрестиянский Цар...».

О всенародном стремлении Украины к воссоединению с Россией заявляли украинцы, прибывавшие в Москву, в этом

убеждались и русские люди, приезжавшие в то время на Украину.

Освободительная война украинского народа и его стремление воссоединиться с Россией встречали горячее одобрение и в Москве. Однако царское правительство не могло в то время удовлетворить просьбу украинского народа о воссоединении. Этот акт вызвал бы немедленную войну с Польшей, к которой Россия, ослабленная неудачной Смоленской войной 1632–1634 гг., еще не была готова. Кроме того, русское правительство, напуганное происходившими в это время антифеодальными выступлениями внутри страны, опасалось отправкой войск на фронт ослабить гарнизоны Москвы и других городов. Откладывая решение вопроса о воссоединении и войне с Польшей до более благоприятного времени, оно оказывало украинцам помощь продовольствием, оружием, деньгами.

Опираясь на эту поддержку, Хмельницкий в течение лета 1648 г. достиг больших успехов в формировании боеспособной армии. В то же время гетман не забывал о сложном внешнеполитическом окружении Украины и постоянно следил за внутривосточной борьбой в самой Речи Посполитой. Смерть короля Владислава IV и наступившее затем бескорольеве обострили внутренние распри в лагере польских магнатов. В связи с трудностями формирования крупных вооруженных сил для войны на Украине в правящих кругах Речи Посполитой появились сторонники бескровного подавле-

ния украинского освободительного движения. Возглавлявшие эту «мирную» партию Е. Оссолинский и А. Кисель считали несвоевременной тактику беспощадного применения оружия, которой придерживалось большинство владельцев украинских латифундий во главе с И. Вишневецким и А. Конецпольским. Рядом незначительных уступок украинской шляхте и зажиточному казачеству они надеялись расколоть лагерь восставших и уже затем разгромить движение.

Зная о разногласиях среди панов, Хмельницкий летом 1648 г. завязал переговоры с польским правительством. К этому времени, однако, перевес получили сторонники беспощадного подавления восстания, и в Польше была спешно сформирована 40-тысячная армия, возглавленная магнатами Д. Заславским, Н. Остророгом и А. Конецпольским. Иронизируя над изнеженностью Заславского, неопытностью молодого Конецпольского и ученостью Остророга, Богдан Хмельницкий называл этот польский «триумvirат» – «перина, дытына и латына».

Польско-шляхетская и крестьянско-казацкая армии встретились под Пилявцами, неподалеку от Староконстантинова (Южная Волынь). Сражение распалось на ряд схваток и длилось несколько дней. Решающей была битва 13 сентября 1648 г., которая закончилась полным разгромом польско-шляхетских войск. Украинская армия захватила богатые трофеи. Остатки неприятельских войск искали спасения в паническом бегстве («пилявчики»), как презрительно про-

звал народ бежавших с поля шляхтичей, преодолели за три дня бегства 300 верст). Победа под Пилявцами способствовала развертыванию освободительного движения в Западной Украине, на Волыни, а также в Белоруссии, где восставшие овладели такими крупными центрами, как Туров, Мозырь, Гомель, Бобруйск, Брест. Вместе с белорусским народом боролись пришедшие с Украины отряды казаков под руководством Антона Небабы, Михненко, Кривошапки и др. Однако борьба в Белоруссии протекала менее организованно, чем на Украине. Это дало возможность польским войскам захватить героически защищавшийся Пинск, а в начале 1649 г. овладеть Туровом, Мозырем и Бобруйском.

Несмотря на эти неудачи, борьба белорусского народа способствовала успехам освободительной войны на Украине. Восставшие белорусы сковали значительные силы Речи Посполитой и тем самым обезопасили фланг и тылы украинской народной армии в тот момент, когда она продвинулась далеко на запад.

Преследуя отступающего противника, народно-освободительная армия к концу сентября 1648 г. подошла к стенам Львова, а потом и Замостья. Приближение украинской армии к собственно польским землям сопровождалось подъемом антифеодального крестьянско-плебейского движения в самой Польше. Потерпев ряд тяжелых поражений, многие польские феодалы стали склоняться к заключению перемирия.

В то же время и в украинском войске, осаждавшем Замостье, создалось трудное положение. К ноябрю 1648 г. начал ощущаться недостаток продовольствия и боеприпасов, распространилась эпидемия чумы. Поэтому Хмельницкий согласился начать мирные переговоры. Отпустив по домам основную массу повстанцев, гетман в декабре прибыл в Киев, где был торжественно встречен населением.

Ход освободительной войны в 1649 – начале 1651 гг.

Хмельницкий понимал, что перемирие не может быть прочным и длительным. Зимой гетман энергично готовился к возобновлению военных действий. В январе 1649 г. он направил в Москву посольство Мужиловского с просьбой о принятии Украины в состав Русского государства и с предложением совместных военных действий против Речи Посполитой. Русское правительство на этом этапе борьбы украинского народа не возражало против участия в ней «государевых людей» – донских казаков. Оно стало открыто принимать украинских переселенцев на порубежные территории. Царское правительство оказало значительную дипломатическую помощь Хмельницкому не только самим фактом его признания, но и защитой интересов Украины при переговорах с Крымским ханством и Польшей.

Попытки польского правительства (в феврале 1649 г.)

склонить Хмельницкого на свою сторону не дали результатов, и военные действия возобновились. В сражении под Зборовом польское войско потерпело поражение. Однако Хмельницкий не мог воспользоваться результатами этой победы, так как вероломное посредничество крымского хана навязало ему маловыгодный Зборовский договор с Речью Посполитой.

По этому договору, заключенному 8 августа 1649 г., власть польских феодалов в Киевском, Черниговском и Брацлавском воеводствах ограничивалась: административные посты в них могли занимать только представители украинской шляхты, казацкой старшины и мещан. Число реестровых казаков было доведено до 40 тыс. Временными уступками украинской старшине польские паны надеялись расколоть восставших и тем самым подготовить условия для полного восстановления своей власти над Украиной.

Украинский народ не желал мириться с условиями Зборовского договора. Однако его не собирались выполнять также магнаты и шляхта. Возвратившихся из армии крестьян паны «мучили и побивали и похвалялись: то-де вашему и Хмельницкому будет, дайте-де нам справитца». Было ясно, что польские феодалы при удобном случае возобновят вооруженную борьбу. Поэтому одна из важнейших задач украинского народа состояла в укреплении своих вооруженных сил. Современник отметил значительные успехи в этом направлении: «А ружьем де войско всем сполнено. У иных ог-

неной бой, а у иных лучная стрельба, а с киями де, как бывало преж сего, ныне в войске никого нет». Не теряла времени и украинская старшина. На освобожденной территории создавался новый военно-административный и судебный аппарат, возглавляемый украинской шляхтой и казацкой старшиной. Местные органы власти, равно как и центральные учреждения при гетмане Хмельницком, стремились восстановить подорванные освободительной войной феодально-крепостнические порядки.

В это же время гетман все энергичнее ставил вопрос о более тесном взаимодействии с Россией, чаще стал совершаться обмен посольствами. Стремясь предотвратить дальнейшее сближение Украины с Россией, правительство Речи Посполитой решило возобновить военные действия. Война началась с вероломного нападения польских войск на казачий отряд Нечая, стоявший в селе Красном. Затем нападению подверглась Винница, где находился отряд Богуна.

Наступавшие в глубь Украины польско-шляхетские полки чувствовали себя, однако, неуверенно. Их пугала не только перспектива генерального сражения с украинско-казацким войском, но и крайне напряженная обстановка, которую они оставляли позади себя, в самой Польше.

Подъем антифеодального движения в Польше

Под прямым влиянием освободительной войны украинского народа в 1651 г. происходит подъем антифеодальной борьбы польского крестьянства. Пламя крестьянско-плебейского движения распространилось на Мазовию – районы Шреньска, Цеханова, Ружана, Визны, Вышкова, на Серадзское воеводство – районы Петрокова и Вольбожа.

Наибольшие масштабы оно приняло в Краковском воеводстве. В июне 1651 г. Костка Наперский, возглавивший движение крестьян, овладел замком Чорштын. Это выступление было сразу же поддержано сельским населением Подгалья, а также поветов, близких к Кракову. Восставшие громили шляхетские усадьбы. В универсале (воззвании) Наперский призывал крестьян: «Освобождайте сами себя из этой тяжелой неволи, покуда не поздно. Прежде чем они (т. е. паны. – *Ред.*) вас вконец уничтожат, лучше вы их всех уничтожьте». У Наперского были планы расширения крестьянского восстания на другие области Польши, он писал: «Мы все пойдем под Краков и дальше через всю Польшу».

Наперский в своей агитации использовал универсалы Хмельницкого, ссылаясь на пример борьбы украинского народа, говорил о наличии общих целей у польских и украинских народных масс. Во всем этом проявлялось наличие об-

щих антифеодалных интересов у польского и украинского народов.

Напуганные размахом освободительного движения на Украине, паны спешили ликвидировать восстание польских крестьян.

Краковскому епископу удалось собрать войска и расправиться с восставшими.

Военные действия на Украине в 1651–1653 гг.

Подавив крестьянское движение в Польше, паны стали еще более энергично проводить начавшуюся весной военную кампанию на Украине. Их вооруженные силы встретились с армией Хмельницкого и войсками крымского хана на Волыни, у Берестечка. Здесь 18–20 июня разыгралась крупнейшая битва кампании 1651 г. В решающий момент боя татарский хан изменил, дав приказ своим войскам отступить. Хмельницкий, поехавший в ставку к хану для переговоров, был им задержан. Предательство хана резко изменило ход сражения. Превосходящие силы польско-шляхетского войска прижали украинские войска к болоту. Ценой больших потерь Богуну, принявшему на себя командование, удалось вывести войска из окружения и спасти их от полного разгрома. Но поражение под Берестечком заставило Хмельницкого подписать 18 сентября в Белой Церкви очень невыгодный

договор с Речью Посполитой.

Согласно Белоцерковскому договору только Киевское воеводство сохраняло свои особые права. Казацкий реестр с 40 тыс. сокращался до 20 тыс. Шляхта получила возможность вернуться в свои имения, в том числе и в Киевском воеводстве. Белоцерковское соглашение еще меньше, чем Зборовское, отвечало интересам украинского народа, но и правящие круги Польши не были им удовлетворены, поскольку им не удалось полностью восстановить на Украине режим, существовавший до 1648 г.

Готовясь к неизбежной новой войне против Речи Посполитой, Хмельницкий должен был восстановить союзные отношения с Крымом, чтобы обеспечить свой тыл от нападения татар. Вместе с тем он стремился возобновить существовавшие до Берестечкой битвы союзные отношения с Молдавией.

Имея в виду эту последнюю цель, гетман весной 1652 г. направил в Молдавию отряд во главе со своим сыном Тимошем. Узнав об этом, командование польско-шляхетских войск решило нарушить договор с Хмельницким и внезапно напасть на отряд Тимоша. Но намерения гетмана Мартына Калиновского стали известны Хмельницкому, и он со всем своим войском двинулся вслед за отрядом сына. 22 мая 1652 г. в бою под Батогом украинские войска нанесли противнику тяжелое поражение. Победа под Батогом отсрочила опасность нового генерального наступления неприятель-

ских войск. После этой победы были восстановлены союзные отношения между молдавским господарем и Хмельницким. Украина, как и Русское государство, получила дополнительное время для накопления сил к предстоящей борьбе.

Но польские паны, понимая это, действовали очень энергично и без обычных проволочек. Летом 1652 г. сейм принял решение создать 50-тысячную наемную армию, частично из наемников-ландскнехтов, и уже в марте следующего года польско-литовское войско под командованием опытного полководца Стефана Чарнецкого начало на Украине активные боевые действия. 15-тысячная армия вторглась в Брацлавщину. Здесь ее встретили казацкие части под командованием Богуна, которым удалось измотать противника и в конце концов обратить его в бегство.

Осенью 1653 г. на Украину двинулось большое польско-шляхетское войско. Располагая меньшими силами, Хмельницкий некоторое время проводил тактику партизанской войны, а затем, когда силы противника были ослаблены, окружил его в районе Жванца. Здесь он намеревался дать генеральное сражение, но измена крымского хана снова спутала его планы. Ислам-Гирей вступил в сепаратные переговоры с Яном Казимиром, предложив ему заключить перемирие. Под Жванцем было подписано соглашение, восстанавливавшее на Украине положение, зафиксированное Зборовским договором 1649 г. Естественно, что обе стороны не могли рассматривать это соглашение как окончательное. Возобнов-

ление борьбы было неизбежным.

Земский собор 1653 г.

К исходу шестого года освободительной войны силы украинского народа были напряжены до крайности. В результате непрерывных боев с польскими войсками и вероломных набегов крымских татар целые области Украины были опустошены.

Несмотря на поражения Речи Посполитой, угроза с ее стороны не ослабевала. Все более опасным для украинского народа становился союз с крымским ханом. Сыграв на начальных этапах свою роль, этот союз в дальнейшем все меньше себя оправдывал. В самые решительные моменты войны крымский хан вступал в сговор с польскими феодалами. Становилось очевидным, что украинский народ в этих условиях мог либо попасть под власть турецко-татарских завоевателей, либо снова оказаться в подчинении магнатско-шляхетской Речи Посполитой.

Обеспечить себе возможность дальнейшего экономического и культурного развития украинский народ мог лишь войдя в состав Русского государства, в соединении с русским народом, близким по языку и культуре, по общим историческим традициям и давним экономическим связям. Только Русское государство могло обеспечить Украине эффектив-

ную защиту от иноземных поработителей. К концу шестого года освободительной войны проводившаяся все это время подготовка к воссоединению Украины с Россией вступила в решающую фазу.

Русское правительство в течение 1653 г. завершало военную и дипломатическую подготовку к активной защите Украины. В Польшу было направлено русское посольство, которое убедилось в том, что польское правительство все еще стремится вооруженной рукой восстановить на Украине порядки, существовавшие до 1648 г.

Земский собор, собравшийся в Москве осенью 1653 г., единодушно одобрил предполагаемое воссоединение Украины с Россией. В решении собора (1 октября 1653 г.) от имени царя было записано: «...Гетмана Богдана Хмельницкого и все войско Запорожское с городами их и с землями принять под свою государскую высокую руку...». Через несколько дней в Москве было торжественно объявлено о предстоящей войне с Речью Посполитой за освобождение Украины и Белоруссии. Осенью 1653 г. из Москвы на Украину отправилось большое посольство во главе с боярином В.В. Бутурлиным. Украинский народ на всем пути следования посольства сердечно приветствовал русских представителей, встречая их хлебом-солью.

Переяславская Рада

Бутурлин прибыл в Переяслав. Украинский гетман созвал на 8 января 1654 г. Раду. Эта Рада отличалась от обычных старшинских или войсковых рад тем, что она была объявлена «явной всему народу», т. е. открытой. В ней приняли участие прибывшие отовсюду казаки, крестьяне, ремесленники, городская беднота, купцы, казацкая старшина, представители православного духовенства и мелкой украинской шляхты – «великое множество всяких чинов людей».

Открывая Раду, Хмельницкий обратился к собравшемуся народу с речью, в которой напомнил о «беспрестанных бранех и кровопролитиях», разорывших украинскую землю в течение шести лет. Гетман далее охарактеризовал крайне тяжелое положение тех народов, которые оказались под турецким игмом, с горечью говорил о страданиях, причиненных украинскому народу татарскими набегами, говорил о том, что «нестерпимые беды приняли есмь» от татарских орд, с которыми «по нужди» пришлось заключить союз. Он напомнил также собравшимся о тех страданиях, какие украинский народ перенес под властью польских поработителей.

В заключение своей речи Хмельницкий сообщил, что царь Алексей Михайлович, которого «мы уже шесть лет безпрестанными молении нашими себе просим», прислал к украинскому народу посольство и призвал к единению с

братским русским народом.

Представители украинского народа встретили этот призыв гетмана единодушными возгласами: «Чтоб есми вовеки вси едино были!» Современники отмечали, что это историческое решение Переяславской Рады встретило всеобщее одобрение на Украине: «Немала радость межи народом стала». «По всей Украине увесь народ с охотою тое учинил».

В феврале 1654 г. в Москву было отправлено посольство из представителей высшей казацкой старшины для переговоров об условиях вступления Украины в состав Русского государства. Результаты переговоров нашли выражение в так называемых Статьях Богдана Хмельницкого и жалованных грамотах русского правительства. Так состоялось воссоединение Украины с Россией.

Этот акт радикально изменил политическую обстановку в Восточной Европе: началась продолжительная война России с Речью Посполитой за Украину и Белоруссию (1654–1667), в которой Крым принял сторону Польши.

Историческое значение воссоединения Украины с Россией

На основании соглашения 1654 г. высшую власть над Украиной стало осуществлять царское правительство. Непосредственное управление казацким войском и администрацией осталось за выборным гетманом, сохранилась выбор-

ность всех должностных лиц, военно-административных и судебных органов, а также городского самоуправления. За украинскими шляхтичами и казацкой старшиной, православными монастырями и верхушкой горожан были сохранены права на землю.

Освободительная война народных масс Украины лишь на время расшатала феодально-крепостническую систему. Уже созданный в ходе войны административный аппарат в центре и на местах энергично защищал феодальную собственность и сословные привилегии украинской шляхты. Непрерывный рост землевладения украинских феодалов происходил за счет пожалований «маетностей» (имений), ранее принадлежавших польским магнатам, а также путем захватов земель крестьян и рядовых казаков. Опираясь на поддержку царского правительства, Хмельницкий и его преемники требовали от крестьян «звыклого послушенства» своим феодалам. Изгнанных польских феодалов, таким образом, заменила украинская знать.

Стремление украинских феодалов восстановить прежние размеры феодальных повинностей встречало ожесточенное сопротивление крестьянства и городских низов. 50-60-е гг. XVII в. отмечены многочисленными вспышками народных восстаний. Антифеодальная борьба крестьян, горожан и рядовых казаков переплеталась с борьбой против попыток части старшины оторвать Украину от России и вернуть ее польским панам или передать турецким феодалам.

После смерти Богдана Хмельницкого (1657 г.) украинским гетманом стал Иван Выговский. Он представлял ту группу казацкой старшины, которая считала, что панская Польша лучше, чем царская Россия, обеспечит ее классовые интересы. Выговский подписал Гадячский договор с Польшей (1658 г.), по которому Украина должна была вернуться под иго польских панов. Когда гетман обнаружил, что ослабленная Польша не могла реализовать этот договор, он совершил второй предательский акт против украинского народа – начал переговоры с Турцией о принятии Украины в ее подданство. Решительные выступления народных масс вынудили Выговского бежать в Польшу. В гетманы был избран сын Богдана Хмельницкого, Юрий, оказавшийся впоследствии послушным орудием в руках старшины, ориентировавшейся на Польшу.

Ни окружению Юрия Хмельницкого, ни преемникам этого гетмана не удалось осуществить свои замыслы. Всякий раз, когда предатели украинского народа пытались отторгнуть Украину от России, трудовой люд Украины поднимался с оружием в руках против изменников.

Царское правительство пристально наблюдало за деятельностью казацкой старшины и из года в год укрепляло свои позиции на Украине. Царизм постепенно ограничивал автономию и политические привилегии украинской старшины. Без царского указа старшина не могла переизбрать гетмана, а гетман лишился права назначать и увольнять старшину и

полковников без ведома Рады. В управлении Украиной все большее значение приобретал созданный в Москве Малороссийский приказ (1663 г.). Деятельность местной администрации была поставлена под контроль царских воевод. Воеводы получили право сбора податей с украинского населения. Вскоре после воссоединения русские войска были размещены во всех крупнейших городах Украины: Киеве, Чернигове, Нежине, Полтаве и др.

В то же время царизм защищал классовые интересы украинских шляхтичей и старшины, помогал им расправляться с антифеодальными выступлениями народных масс. В 1666 г., например, царское правительство в помощь старшине отправило войско для подавления восстания казаков Переяславского полка.

Воссоединение Украины с Россией имело огромное прогрессивное значение для исторических судеб обоих народов. Украинский народ был избавлен от порабощения панской Польшей, поглощения султанской Турцией и разорения ордами крымского хана. Отныне русские и украинцы совместными силами стали бороться против иноземных захватчиков. Воссоединение Украины с Россией способствовало укреплению Российского государства и подъему его международного авторитета.

Вхождение Украины в состав России создавало более благоприятные условия для социально-экономического и культурного развития украинского народа. Украина включилась

в складывавшийся всероссийский рынок. Украинские купцы продавали в центральных районах России шерсть, кожу, скот, спиртные напитки. Важную статью украинской торговли составляла селитра, употреблявшаяся для производства пороха. На многочисленных украинских ярмарках русские купцы продавали соль, изделия из железа, меха. Укрепление экономических связей с Россией способствовало росту украинских городов и распространению поташного, железодельного, мукомольного и других промыслов.

Сплоченность трудящихся масс Украины и России укрепилась в совместной борьбе против общих классовых врагов. Уже в крестьянской войне под предводительством Степана Разина участвовали также украинские крестьяне и казаки. Классовый гнет на освобожденной от власти панов части Украины в течение ближайших 100 лет был намного слабее, чем в Польше и даже в России; это сказывалось и на положении крестьянства, и на общем социально-экономическом развитии страны. Магнатско-шляхетская феодальная анархия не разоряла больше народ. Воссоединение Украины с Россией содействовало также культурному общению двух братских народов.

*Ключевский В.О.*⁴

Малороссийский вопрос

Ляхи и русские, русские и евреи, католики и униаты, униаты и православные, братства и архиереи, шляхта и посольство, посольство и казачество, казачество и мещанство, реестровые казаки и вольная голота, городское казачество и Запорожье, казацкая старшина и казацкая чернь, наконец, казацкий гетман и казацкая старшина – все эти общественные силы, сталкиваясь и путаясь в своих отношениях, попарно враждовали между собой, и все эти парные вражды, еще скрытые или уже вскрывшиеся, переплетаясь, затягивали жизнь Малороссии в такой сложный узел, распутать который не мог ни один государственный ум ни в Варшаве, ни в Киеве. Восстание Б. Хмельницкого было попыткой разрубить этот узел казацкой саблей. Трудно сказать, предвидели ли в Москве это восстание и необходимость волей-неволей в него вмешаться. Там не спускали глаз со Смоленской и Северной земли и после неудачной войны 1632–1634 гг. исподтишка готовились при случае поправить неудачу. Малороссия лежала еще далеко за горизонтом московской политики, да и память о черкасах Лисовского и Сапеги была еще

⁴ Ключевский В.О. Курс русской истории: Сочинения в 3 томах. – М., 1993. – Т. 2.

довольно свежа. Правда, из Киева засылали в Москву с заявлениями о готовности служить православному московскому государю, даже с челобитьем к нему взять Малороссию под свою высокую руку, ибо им, православным малороссийским людям, кроме государя, деться некуда. В Москве осторожно отвечали, что, когда от поляков утеснение в вере будет, тогда государь и подумает, как бы веру православную от еретиков избавить. С самого начала восстания Хмельницкого между Москвой и Малороссией установились двусмысленные отношения. Успехи Богдана превзошли его помышления: он вовсе не думал разрывать с Речью Посполитой, хотел только припугнуть зазнавшихся панов, а тут после трех побед почти вся Малороссия очутилась в его руках. Он сам признавался, что ему удалось сделать то, о чем он и не помышлял. У него начала кружиться голова, особенно за обедом. Ему мерещилось уже Украинское княжество по Вислу с великим князем Богданом во главе; он называл себя «единовладным Самодержцем русским», грозил всех ляхов перевернуть вверх ногами, всю шляхту загнать за Вислу и т. д. Он очень досадовал на московского царя за то, что тот не помог ему с самого начала дела, не наступил тотчас на Польшу, и в раздражении говорил московским послам вещи непригожие и к концу обеда грозил сломать Москву, добраться и до того, кто на Москве сидит. Простодушная похвальба сменялась униженным, но не простодушным раскаянием. Эта изменчивость настроения происходила не только от темперамента

Богдана, но и от чувства лжи своего положения. Он не мог сладить с Польшей одними казацкими силами, а желательная внешняя помощь из Москвы не приходила, и он должен был держаться за крымского хана. После первых побед своих он намекал на свою готовность служить московскому царю, если тот поддержит казаков. Но в Москве медлили, выжидали, как люди, не имеющие своего плана, а чающие его отхода событий. Там не знали, как поступить с мятежным гетманом, принять ли его под свою власть или только поддерживать из-за угла против поляков. Как подданный, Хмельницкий был менее удобен, чем как негласный союзник: подданного надобно защищать, а союзника можно покинуть по миновении в нем надобности. Притом открытое заступничество за казаков вовлекало в войну с Польшей и во всю пуганицу малороссийских отношений. Но и остаться безучастным к борьбе значило выдать врагам православную Украину и сделать Богдана своим врагом: он грозил, если его не поддержат из Москвы, наступать на нее с крымскими татарами, а не то, побившись с ляхами, помириться да вместе с ними поворотиться на царя. Вскоре после Зборовского договора, сознавая неизбежность новой войны с Польшей, Богдан высказал царскому послу желание в случае неудачи перейти со всем войском Запорожским в московские пределы. Только года через полтора, когда Хмельницкий проиграл уже вторую кампанию против Польши и потерял почти все выгоды, завоеванные в первой, в Москве, наконец, признали эту

мысль Богдана удобнейшим выходом из затруднения и предложили гетману со всем войском казацким переселиться на пространные и изобильные земли государевы по рекам Донцу, Медведице и другим угожим местам: это переселение не вовлекало в войну с Польшей, не загоняло казаков под власть султана турецкого и давало Москве хорошую пограничную стражу со стороны степи. Но события не следовали благоразумному темпу московской политики. Хмельницкий вынужден был к третьей войне с Польшей при неблагоприятных условиях и усиленно молил московского царя принять его в подданство, иначе ему остается отдаться под давно предлагаемую защиту турецкого султана и хана крымского. Наконец, в начале 1653 г. в Москве решили принять Малороссию в подданство и воевать с Польшей. Но и тут проволочили дело еще почти на год, только летом объявили Хмельницкому о своем решении, а осенью собрали земский собор, чтобы обсудить дело по чину, потом еще подождали, пока гетман потерпел новую неудачу под Жванцем, снова выданный своим союзником – ханом, и только в январе 1654 г. отобрали присягу от казаков. После капитуляции под Смоленском в 1634 г. 13 лет ждали благоприятного случая, чтобы смыть позор. В 1648 г. поднялись казаки малороссийские. Польша очутилась в отчаянном положении; из Украины просили Москву помочь, чтобы обойтись без предательских татар, и взять Украину под свою державу. Москва не трогалась, боясь нарушить мир с Польшей, и 6 лет с неподвижным любо-

пытством наблюдала, как дело Хмельницкого, испорченное татарами под Зборовом и Берестечком, клонилось к упадку, как Малороссия опустошалась союзниками-татарами и зверски свирепую усобицей, и, наконец, когда страна уже никуда не годилась, ее приняли под свою высокую руку, чтобы превратить правящие украинские классы из польских бунтарей в озлобленных московских подданных. Так могло идти дело только при обоюдном непонимании сторон. Москва хотела прибрать к рукам украинское казачество, хотя бы даже без казацкой территории, а если и с украинскими городами, то непременно под условием, чтобы там сидели московские воеводы с дьяками, а Богдан Хмельницкий рассчитывал стать чем-то вроде герцога Чигиринского, правящего Малороссиёй под отдаленным сюзеренным надзором государя московского и при содействии казацкой знати, есаулов, полковников и прочей старшины. Не понимая друг друга и не доверяя одна другой, обе стороны во взаимных сношениях говорили не то, что думали, и делали то, чего не желали. Богдан ждал от Москвы открытого разрыва с Польшей и военного удара на нее с востока, чтобы освободить Малороссию и взять ее под свою руку, а московская дипломатия, не разрывая с Польшей, с тонким расчетом поджидала, пока казаки своими победами dokonают ляхов и заставят их отступить от мятежного края, чтобы тогда легально, не нарушая вечного мира с Польшей, присоединить Малую Русь к Великой. Жесточайшей насмешкой звучал московский ответ Богдану, когда он

месяца за два до Зборовского дела, имевшего решить судьбу Польши и Малороссии, низко бил челом царю «благословить рати своей наступить» на общих врагов, а он в Божий час пойдет на них от Украины, моля Бога, чтобы правдивый и православный государь над Украиной царем и самодержцем был. На это, видимо искреннее, челобитье из Москвы отвечали: вечного мира с поляками нарушить нельзя, *но если король гетмана и все войско Запорожское освободит, то государь гетмана и все войско пожалует, под свою высокую руку принять велит.* При таком обоюдном непонимании и недоверии обе стороны больно ушиблись об то, чего недоглядели вовремя. Отважная казацкая сабля и изворотливый дипломат, Богдан был заурядный политический ум. Основу своей внутренней политики он раз навеселе высказал польским комиссарам: «Провинится князь, режь ему шею; провинится казак, и ему тоже – вот будет правда». Он смотрел на свое восстание только как на борьбу казаков со шляхетством, угнетавшим их, как последних рабов, по его выражению, и признавался, что он со своими казаками ненавидит шляхту и панов до смерти. Но он не устранил и даже не ослабил той роковой социальной розни, хотя ее и чувял, какая таилась в самой казацкой среде, завелась до него и резко проявилась тотчас после него: это – вражда казацкой старшины с рядовым казачеством, «городовой и запорожской чернью», как тогда называли его на Украине. Эта вражда вызвала в Малороссии бесконечные смуты и привела к тому, что пра-

вобережная Украина досталась туркам и превратилась в пустыню. И Москва получила по заслугам за свою тонкую и осторожную дипломатию. Там смотрели на присоединение Малороссии с традиционно-политической точки зрения как на продолжение территориального собирания Русской земли, отторжение обширной русской области от враждебной Польши к вотчине московских государей, и по завоевании Белоруссии и Литвы в 1655 г. поспешили внести в царский титул «всея Великия и Малыя и Белья России самодержца Литовского, Волынского и Подольского». Но там плохо понимали внутренние общественные отношения Украины, да и мало занимались ими, как делом неважным, и московские бояре недоумевали, почему это посланцы гетмана Выговского с таким презрением отзывались о запорожцах как о пьяницах и игроках, а между тем все казачество и с самим гетманом зовется *Войском Запорожским*, и с любопытством расспрашивали этих посланцев, где жилали прежние гетманы, в Запорожье или в городах, и из кого их выбирали, и откуда сам Богдан Хмельницкий выбран. Очевидно, московское правительство, присоединив Малороссию, увидело себя в тамошних отношениях как в темном лесу. Зато малороссийский вопрос, так криво поставленный обеими сторонами, затруднил и испортил внешнюю политику Москвы на несколько десятилетий, завязил ее в невылазные малороссийские дрязги, раздробил ее силы в борьбе с Польшей, заставил ее отказаться и от Литвы, и от Белоруссии с Воли-

нью и Подолией и еле-еле дал возможность удержать левобережную Украину с Киевом на той стороне Днепра. После этих потерь Москва могла повторить про себя самое слова, какие однажды сказал, заплакав, Б. Хмельницкий в упрек ей за неподание помощи вовремя: «Не того мне хотелось и не так было тому делу быть».

Соловьев С.М. Продолжение царствования Алексея Михайловича⁵

<...> несчастная Украина, опустошенная войною, голодом, переселениями, не переставала волноваться: жители ее вырезывали польских солдат и вели гайдамацкую войну; поляки мстили им, истребляя мятежные селения, вырезывая всех жителей. Чернь вооружалась и против Хмельницкого, который по обстоятельствам медлил объявить себя на стороне народного восстания; наконец, для собственной безопасности он должен был опять расширить реестр вопреки Белоцерковскому договору и, видя невозможность мира, завел снова сношения с татарами. Поводом к новой войне была женильба гетманского сына Тимофея на дочери господаря молдавского Лупула. Лупул дал прежде вынужденное страхом обещание выдать дочь за Тимофея, но под разными предложениями не исполнял его и обратился к Польше с просьбою о помощи против нежданного свата, родство с которым считал для себя унижительным. Вследствие этой просьбы господаря гетман Калиновский стал лагерем на берегу Буга, близ горы Батога, или Батова, недалеко от Ладыжина, чтоб преградить путь жениху, который шел за невестой с козацким и татар-

⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – М., 2003. – Т. 10. Гл. 3.

ским войском. Старый Хмельницкий предупредил Калиновского, чтоб тот дал дорогу его сыну, иначе может произойти невыгодное для поляков столкновение; Калиновский не обратил внимание на предостережение, напал на Тимофея и заплатил за это жизнь свою и двадцати тысяч польского войска. Тимофей беспрепятственно продолжал путь в Молдавию, где господарь должен был выдать за него дочь свою; а старик Хмельницкий, показывая вид, что не одобряет батогского дела, и оправдывая себя и сына перед королем, между тем осаждал Каменец, чтоб укрепиться в Подолии. Король созвал чрезвычайный сейм, на котором положено было собрать 50 000 войска; на сейм явились козацкие депутаты и божились, что гетман их не знал о батогском деле, и к Хмельницкому в Чигирин отправились комиссары от сейма с требованием, чтоб он разорвал союз с татарами и отдал сына в заложники. Богдан вспыхнул, услышав эти требования, и, схватившись за саблю, сказал: «Если б кто другой, а не вы, мои давние знакомцы и друзья, были ко мне присланы с такими речами, то я бы иначе с ними распорядился. Разве вы не видите моего расположения к Польше, что, поразивши вас теперь на Батоге, я ничего не делаю, тогда как мог бы не только вас вконец разорить, но, пославши многие полки козацкие и татарские, мог бы вас за самый Рим загнать? С татарами мне разойтись нельзя; для комиссии будет время, когда война перестанет; пусть сам король ведет со мною переговоры, а когда и где быть комиссии – это в его королевской

воле. Сына в залог послать нельзя: один еще мал, а другой только что женился. Прежде всего пусть король присягнет в ненарушении Зборовских условий». Хмельницкий, действительно, надеялся легко управиться с Польшею, опустошенною моровым поветрием, пожарами, голодом, наводнениями. В декабре 1652 г. явился в Москве посол Хмельницкого, войсковой судья Самойла Богданович, с низким челобитьем, чтоб государь умилосердился, велел принять Запорожское войско под свою высокую руку. Дьяки Посольского приказа спросили Богдановича: «Как тому быть, что гетману и всему войску Запорожскому быть под царского величества высокою рукою, и как им жить? Там ли, в своих городах, или где в другом месте? О том с ними от гетмана наказано ли подлинно?» Богданович отвечал: «Как гетману и всему войску Запорожскому быть под царского величества рукою, о том он не ведает, и от гетмана с ним о том ничего не наказано, ведает то гетман, а с ним только наказано царскому величеству бить челом: как прежде царское величество был к гетману и ко всему войску Запорожскому милостив, так бы и теперь своей государской милости от них не отдалял и неприятелям их, полякам, помощи на них не давал; а, кроме того, ни о чем говорить не наказано».

Но 1653 г. заставил Богдана переменить мысли, которые он имел в 1652. В начале года лучший полководец польский, Чарнецкий, ворвался в Украину и сильно опустошил ее; в Польше делалось вооружение; в Молдавии Хмельниц-

кому должно было защищать свата своего Лупулу, против которого встали господарь волошский и князь трансильванский Рагоци. В апреле приехали от гетмана в Москву Кодрат Бырляй и Силуан Мужиловский с просьбою, чтоб великий государь пожаловал, для православной христианской веры велел гетмана со всем войском Запорожским принять под свою государеву высокую руку и учинил бы им на неприятелей их, поляков, помощь думою и своими государевыми ратными людьми. К ним писали и присылали много раз турецкий (турецкий. – *Ред.*) султан и крымский хан, зовя к себе в подданство, но они в том им отказали, что они мимо великого христианского государя царя к бусурманам в подданство идти не хотят. Если царское величество то их междоусобие успокоит миром через своих послов, они и той государской милости ради и из воли его государской не выступают, только б изволил царское величество послать теперь поскорее к королю гонца, чтоб он войною на Запорожское войско не наступал и задоров никаких чинить не велел. Королева шведская отправила послов своих к гетману и ко всему войску Запорожскому неизвестно о каких делах, и тех ее послов на дороге переняли поляки: так, гетман велел у царского величества милости просить, чтоб государь пожаловал, велел их, посланников, пропустить к шведской королеве через свое государство проведать, для чего она своих послов к нему посылала, а для верности пусть царское величество пошлет с ними в Швецию от себя кого ему угодно.

Бырляй и Мужилковский привезли грамоты от Хмельницкого к Патриарху Никону, к боярам – Морозову, Милославскому, Пушкину – с низким челобитьем, с смиренною просьбою, чтоб они ходатайствовали перед православным царем за него, гетмана, прямого слугу царского величества. Государь не велел пропускать Бырляя и Мужилковского в Швецию на том основании, что это может помешать переговорам с Польшею. В это время принятие в подданство Малороссии и война польская были уже решены в Москве: первая дума об этом у государя с боярами была 22 февраля 1653 года, в понедельник первой недели Великого поста, а «совершился государская мысль в сем деле» в понедельник третьей недели Великого поста, 14 марта.

Для последних переговоров 24 апреля 1653 г. отправлены были в Польшу полномочные послы: боярин князь Борис Александрович Репнин, боярин князь Федор Федорович Волконский и дьяк Алмаз Иванович. Послы нашли Яна Казимира во Львове 20 июля и потребовали, чтоб король над виновными в умалении государева титула велел справедливость учинить пред ними же, великими послами, без всякой отволоки. Потом послы объявили другое дело: присылал к великому государю запорожский гетман Богдан Хмельницкий, что договор, заключенный с козаками сперва под Зборовом, а потом под Белою Церковью, не исполнен с королевской стороны: церкви не отданы, многих православных христиан духовного и мирского чина невинно замучили, войска

на них коронные и литовские собраны, хотят на них приходиться тайно, чтоб их безвестно разорить и искоренить: так чтоб великий государь для православной веры милость над ними показал, за них вступился и принял их под свою высокую руку; если же царское величество их не пожалует, то они поневоле учинятся в подданстве у турецкого султана или крымского хана, потому что вперед панам радным верить нельзя, никогда они в правде своей не стоят, а под турецким султаном живут многие христиане, и такого гонения от бусурманов не бывает, какое им, черкасам, от поляков. Великий государь, остерегая вечное dokonчание, запорожским посланцам велел сказать, что им быть по-прежнему под королевским повеленьем безо всякого сомнения; гетман и все войско Запорожское отвечало, что если государь под свою руку их не принимает и к бусурманам в подданство идти не велит, то чтоб царское величество с королем их помирил через своих великих послов и быть им в прежних вольностях без всякого насилвания, а как мир станется, то они сейчас же от бусурманов отстанут. И великий государь указал им, великим послам, панам радным говорить, чтоб королевское величество государства своего до разделения и до большого междоусобия и разорения не допускат, подданных своих черкас от поганцев отлучил, договор с ними учинил крепкий, чтоб им вперед в вере неволи не было и жить им в прежних вольностях.

Паны отвечали, что Хмельницкий говорит все неправду,

что он поддается турецкому султану и принял бусурманскую веру; об этом они узнали недавно; только бусурманскую веру принял он один, Хмельницкий, чернь султану поддаться не захотела, и королевское величество, не желая видеть православных христиан в подданстве у султана, идет на Хмельницкого сам со многими войсками и станет Хмельницкого с товарищами его добивать, чтоб больше государству его разорения от этих бунтовщиков не было. Послы возражали: «Вы, паны радные, говорите неправду: царскому величеству подлинно известно, что православным христианам от вас и от вашего духовенства в вере неволя большая». Когда паны донесли королю о речах посольских, то Ян Казимир велел отвечать послам, что Хмельницкий требует возобновления Зборовского договора, но ему, королю, как стерпеть, что подданный его, самый худой человек, холоп, пишет, чтоб сделано было по его хотенью, чего в Польше и Литве никогда не бывало, а теперь Хмельницкий поддается турецкому султану и зовет крымского хана к себе на помощь, обещает султану, что примет бусурманскую веру. Хмельницкий – самый лютый вор, и такому вору как верить? Паны объявили послам, что о Зборовском договоре они и слышать не хотят, договор этот за неправды Хмельницкого снесен саблею, но для царского величества король милосердие свое покажет, если Хмельницкий добьет ему челом, булаву отдаст и вперед гетманом не будет; если и козаки добьют также челом, оружие свое все положат и будут по-прежнему в холопах у

панов своих и пашню станут пахать, а реестровых Козаков будет по-прежнему шесть тысяч и станут жить в Запорожье и где прежде живали, а в Киеве и других городах по обе стороны Днепра будет стоять войско коронное и литовское; если же Хмельницкий этого не сдержит, то царское величество помог бы на него королю своими ратными людьми. Послы настаивали, чтоб король помирился с козаками на Зборовских условиях; паны повторяли, что они о Зборовском договоре и слышать не хотят. Послы предложили, чтоб король послал от себя своего дворянина, а они, послы, отправят своего к Хмельницкому для унятия крови христианской; паны именем королевским отвечали, что не только королю, но и послам отправлять своего дворянина не годится: всякий подумает, будто король у изменника своего мира просит и, боясь его, позволил вам послать за миром к такому изменнику, кривоприсяжце, худому человеку, холопу; надобно было Хмельницкому наперед прислать к королевскому величеству с челобитьем. Если царскому величеству надобно, чтоб Хмельницкий был у королевского величества в подданстве, то пусть пошлет от себя к Хмельницкому, возьмет у него статьи, на которых он хочет быть в подданстве, и перешлет эти статьи к королю, а король решит, на какие статьи можно согласиться и на какие нет. Послы отвечали, что Хмельницкий, кроме Зборовского договора, ничего не примет. Паны говорили гораздо сердито, что Зборовского договора и на свете нет, с Хмельницким у короля никакого дого-

вора не было, был договор под Зборовом с крымским ханом; договор этот нарушен Хмельницким, после чего был другой договор, под Белой Церковью, и тот нарушен Хмельницким же, и теперь король всех этих изменников снесет и до конца разорит. Послы: «Королевскому величеству и вам, панам, надобно рассудить: если вы этих своих подданных побьете, города и места разорите и сделаете пустоту, то побьете и разорите не чужое государство, а свое; после эти пустые места кем вам будет населить? Всякий государь славен и силен подданными своими, а у пустоты государю бессилие и бесславиe; под Зборовом король договор учинил православной веры не теснить, а унию искоренить и на этих зборовских статьяx принял Хмельницкого в подданство по просьбе бусурмана крымского хана; но теперь бы королевское величество по просьбе христианского государя, царского величества, принял Хмельницкого в подданство по Зборовскому договору и православной веры теснить не велел».

После этих разговоров послы начали дело о новых прописках в титуле, требовали по-прежнему смертной казни виновным и приводили в пример персидского шаха, который прислал государю на смертную казнь виновного в прописке титула. Паны отвечали: «И король пошлет виновных к вашему государю на смертную казнь, если государь ваш пришлет наперед к королю головою своего патриарха, за то, что он в королевских областях, уступленных по последнему миру, в попы ставит и благословенные грамоты дает, чем на-

рушает мирное постановление». Потом возвратились к делу Хмельницкого, и послы объявили, что король присягал не нарушать веры и вольности своих подданных; если же он станет теснить православную веру, то подданные, как написано в присяге, будут свободны от подданства. Паны отвечали, что послам в эти дела, в королевские присяги, вступаться не довелось и греческой вере утеснения в Польше и Литве нет. Тут послы объявили, что если король перестанет теснить православную веру, уничтожит унию и примет Хмельницкого в подданство по Зборовскому договору, то государь для такого доброго дела велит все прежние ссоры от прописок в титуле оставить. Паны отвечали: «Если царскому величеству угодно, чтоб король простил Хмельницкого и Козаков, то пусть же послы отправят к Хмельницкому от себя посольство и уговорят его выйти навстречу к королю и бить ему челом, когда король пойдет на него с войском». Послы объявили прежде: что если король хочет принять Козаков по Зборовскому договору, то они, послы, могут быть посредниками. Паны отвечали: «Чем вы королевское величество обнадежите, что Хмельницкий действительно захочет соблюдать мир и не захочет многих прихотей? Этот изменник и враг Божий непостоянен, три раза присягал и нарушал присягу; да и то королевскому величеству не важное дело, если Хмельницкий и поддастся турецкому султану: чернь и козаки уже от него отстали и присылали к королю киевского полковника Антона Ждановича бить челом о винах своих». По-

слы: «Мы будем уговаривать Хмельницкого, чтоб он, кроме веры, во всех других статьях отдался на волю королевскую, и если он согласится, то этим самым объявит свою правду». Паны отвечали: «Король на Зборовских статьях ни за что с Хмельницким не помирится, и унию уничтожить нельзя, потому что сами униаты на это не согласятся. Дайте, великие послы, обязательство, что если Хмельницкий помирится и мира не сдержит, то царское величество заплатит королю за теперешние военные издержки и поможет на Хмельницкого своими ратными людьми».

Послы не согласились дать это обязательство. Тогда паны объявили последнюю меру: если Хмельницкий булаву положит и гетманом не будет, козаки оружие свое перед королем положат и станут просить милосердия, тогда король для царского величества окажет им милость. Несмотря, однако, на эту конечную меру, паны вскоре объявили послам, что король согласен, чтоб они, послы, отправили своего дворянина к Хмельницкому, но послы отвечали, что теперь им этого сделать уже нельзя: они получили весть, что Хмельницкий идет на короля войною вместе с крымскими татарами, чего он не должен был делать, не получивши от них решительного ответа о неуспешности их переговоров; таким образом, Хмельницкий сделался изменником и царскому величеству, и потому они, послы, о Хмельницком больше говорить не будут. Так как король на уничтожение унии не согласился, за что царь готов был оставить все свои требования

относительно прописок в титуле, то послы обратились снова к этим требованиям; паны отвечали, что насчет прежних прописок постановлен сеймовый декрет, вопреки которому сделать ничего нельзя; что же касается новых прописок, сделанных после посольства Прончищева, то король посмотрит, как царь распорядится с собственными подданными, виновными в прописке королевского титула, виновными в пропуске малороссийских Козаков через Брянский уезд в Литву на войну, с патриархом, виновным в том, что ставил попов в королевскую сторону. С этим послы и были отпущены.

В то время как Репнин с товарищами вели эти переговоры во Львове, Хмельницкий угрозою поддаться турецкому султану торопил дело в Москве. Он объявил Сергею Яцыну, посланцу путивльского воеводы князя Хилкова: «Вижу, что государской милости не дожидаться, не отойти мне бусурманских неверных рук, и если государской милости не будет, то я слуга и холоп турецкому». 15 июня Яцын приехал в Путивль и сказал, что у гетмана турецкие послы были и еще полномочный посол идет, только присяги ждет. Получивши это донесение, царь послал к гетману стольника Лодыженского с следующей грамотою (от 22 июня): «Мы изволили вас принять под нашу высокую руку, да не будете врагам креста Христова в притчу и в поношение, а ратные наши люди собираются». Хмельницкий отвечал 9 августа: «Пребываем благонадежны на премногую милость, которую нам твое царское величество показать изволил, что не оставлены будем из-под

крепкой руки твоего царского величества. Мы иному неверному царю служить не хотим, только тебе бьем челом, чтоб твое царское величество не оставлял нас. Король польский со всею силою ляцкою идет на нас, погубить хотя веру православную.

С известием об этом отправили мы к тебе посланца нашего Герасима Яковлева, молясь прилежно пресветлому твоему лицу, чтоб твое великое государство скорою и сильною ратию нам руку помощи послать изволил, а мы мириться не будем с королем до милостивой вести от твоего великого государства». Выговский в то же время писал к думному дьяку Лариону Лопухину: «Татарам уже не верим, потому что только утробу свою насытить ищут».

В августе же отправился в Малороссию подьячий Иван Фомин, который должен был отдать тайно Выговскому грамоты турецкого султана, крымского хана, силистрийского паши, гетманов Потоцкого и Радзивилла к Хмельницкому, ибо все эти грамоты тайно пересланы были Выговским в Москву. За эту службу царь прислал Выговскому 40 соболей да три пары соболей добрых. Фомин так описывает прием свой у Хмельницкого: когда он подал царскую грамоту, то Богдан принял ее честно и учтиво, в печать и в грамоту любезно целовал; распечатавши и прочтя ее сам, опять целовал и среди светлицы на государской милости поклонился в землю и сказал: «Благодарю Господа Бога и Пречистую Богородицу, что такой пресветлый великий государь меня, холо-

па своего, и все войско Запорожское пожаловал своим царским неизреченным жалованьем». Фомин говорил: «Божиею милостию великий государь жалует тебя, гетмана Богдана Хмельницкого, и писаря Ивана Выговского, и полковников, и все войско Запорожское православной христианской веры, велел вас спросить о здоровье». Гетман отвечал: «На премногой государственной милости я и все войско много челом бьем и, видя такую царского величества премногую милость, служить как Богу, так и ему, государю, помазаннику Божию, и добра хотеть во всем ради». При этих словах все поклонились низко. Гетману Фомин подал от государя 40 соболей да две пары добрых, значит, меньше, чем Выговскому, которому при гетмане явно дана только пара соболей. Наедине Фомин говорил гетману: «Великий государь тебя, гетмана, и все войско Запорожское за вашу службу жалует, милостиво похваляет: и ты б, гетман, и все войско Запорожское и вперед великому государю служили и радели во всем, а служба ваша у царского величества никогда забвенна не будет». Гетман отвечал, что, он, и писарь, и все войско великому государю служить рады, только б великий государь изволил их принять вскоре под свою высокую руку в вечное холопство и своими ратными людьми на ляхов помощь велел дать также поскорее, потому что ляхи уже наступают. «Если б, – говорил Хмельницкий, – царское величество изволил нас принять вскоре и послал своих ратных людей, то я тотчас пошлю свои грамоты в Оршу, Мстиславль и в другие города к бело-

русским людям, которые живут за Литвою, и они тотчас станут с ляхами биться, и будет их с 200 000».

6 сентября отправлены были к Богдану новые посланники: стольник Родион Стрешнев и дьяк Бредихин, объявить, что если поляки по посольству князя Репнина-Оболенского не исправятся, то государь примет Козаков. Репнин возвратился и объявил о неудаче своего посольства; тогда 20 сентября послали гонца догнать Стрешнева и Бредихина на дороге и отдать им новый наказ: объявить гетману прямо, что государь принимает его под свою высокую руку, а 1 октября созван был собор из всяких чинов людей, которым объявлено о неправдах литовского короля и присылках гетмана Богдана Хмельницкого с челобитьем о подданстве: «Секретари королевские и воеводы порубежных городов пишут царский титул не по вечному dokonчанию, со многими переменами; а иные злодеи во многих листах писали с великим бесчестьем и укоризною. Отправляемы были к королю великие послы и посланники говорить о государевой чести и просить наказания ее оскорбителям; король Владислав обещал, что вперед этого ничего не будет, но обещание не было исполнено. Мало того: появились в Польше книги, в которых про царя Михаила, отца его, патриарха Филарета, и про самого царя Алексея напечатаны злые бесчестья, укоризны и хулы, также про московских бояр и всяких чинов людей. Государь послал боярина Пушкина просить у короля смертной казни виновным; паны обещали; в другой раз послан был Прон-

чищев требовать исполнения обещания: король Ян Казимир отправил в ответ своих посланников в Москву с сеймовым декретом на обвиненных; но этот декрет постановлен был не так, как требовалось: многие виновные оправданы, а некоторые хотя и обвинены, но прибавлено, что неизвестно, живы ли они или померли. Снова отправлены были великие и полномочные послы – князь Репнин-Оболенский с товарищами – требовать, чтоб король учинил пристойное исправление; паны радные отвечали, что все это требования пустые, что они постановили декрет против виновных и вперед будут судить оскорбителей царской чести. Больше князь Репнин ничего не мог добиться. Кроме этого неисправления, Ян Казимир ссылается с крымским ханом против Московского государства, пропустил крымского посла через свою землю в Швецию; в порубежных местах от литовских людей постоянные задоры. Наконец, в прошлых годах гетман Хмельницкий и все войско Запорожское много раз присылали, жалуясь на гонение за веру и прося царское величество принять их под свою высокую руку; если же государь их не пожалует, в подданство не примет, то, по крайней мере, вступился бы за них, помирил с поляками. По этой просьбе царь велел князю Репнину ходатайствовать у короля за малороссиян, и князь Репнин потребовал, чтоб поляки исполняли статьи Зборовского договора и возвратили православным церкви их, отнятые униатами, и если король исполнит это, то царь обещал простить всех виновных в умалении его титула. Это требование

король и паны поставили ни во что, тогда как Ян Казимир при избрании своем дал клятву не теснить никого за веру и в случае нарушения клятвы освобождал подданных от присяги. Теперь же гетман Богдан Хмельницкий прислал опять посланца своего Лаврина Капусту с тем, что король идет на Украину войною и козаки, не хотя монастырей, церквей Божиих и христиан в мучительство выдать, бьют челом, чтоб государь войска свои вскоре послать к ним велел, да чтоб государь велел прислать в Киев и в другие города своих воевод, а с ними ратных людей хотя с 3 000 человек и то для тех же государевых воевод, а у гетмана людей много, да к нему же хотел быть крымский хан с ордою, и иные татары уже пришли и стоят под Белой Церковию: да к гетману же присылал турецкий султан звать его к себе в подданство, и гетман ему отказал, надеясь на государеву милость; если же государь его не пожалует, принять не велит, то он станет свидетельствоваться Богом, что у государя милости просил много, а государь его не пожаловал; с королем же у них мира отнюдь не будет, будут против него стоять».

Выслушав это объявление, бояре приговорили: «За честь царей Михаила и Алексея стоять и против польского короля войну вести, а терпеть того больше нельзя. Гетмана Богдана Хмельницкого и все войско Запорожское с городами их и землями чтоб государь изволил принять под свою высокую руку для православной христианской веры и святых Божиих церквей, да и потому доведется их принять: в присяге Яна

Казимира короля написано, что ему никакими мерами за веру самому не теснить и никому этого не позволять; а если он этой присяги не сдержит, то он подданных своих от всякой верности и послушанья делает свободными. Но Ян Казимир своей присяги не сдержал, и, чтоб Козаков не отпустить в подданство турецкому султану или крымскому хану, потому что они стали теперь присягою королевскою вольные люди, надобно их принять».

Стрешнев и Бредихин не нашли Богдана в Чигирине: 13 августа из Переяславля он разослал универсалы, призывая народ вооружиться против вероломных ляхов, поднявших на Украину трансильванского князя и волохов. Около Богдана собралось 60 000 войска, но старый гетман не знал, куда с ним двинуться: с одной стороны шел на Украину король, с другой – пришла весть из Молдавии, что сын гетманский,

Тимофей Хмельницкий, осажден в Сочаве восставшими против его тестя молдаванами, волохами, трансильванцами и поляками. Когда Богдан стоял с своим войском под Борком, пришла к нему другая весть, что Тимофей опасно ранен; старик решился двинуться в Молдавию на помощь к сыну, но пришли к нему полковники и объявили: «Непотребно нам чужую землю оборонять, а свою без остереганья метать, будет с нас и того, что за себя стоять и свою землю оборонять». У гетмана в это время было подпито: он вынул саблю и порубил черкасского полковника Еско по левой руке. Протрезвившись, он поспешил поправить дело: пришел к коза-

кам, поклонился трижды в землю, велел выкатить им бочку меду и сказал: «Детки мои! Напейтесь и меня не продайте!» Козаки отвечали: «Пан гетман! В том воля твоя, а быть с тобою мы все готовы». Хмельницкий выступил в Молдавию, но на дороге встретились ему козаки, вышедшие из Соचाвы после сдачи ее неприятелям: они везли с собою гроб молодого Тимофея Хмельницкого. Старику не было теперь более нужды идти в Молдавию; во второй половине ноября вместе с ханом он двинулся на поляков, которые стояли под Жванцем, на берегу Днестра, в пятнадцати верстах от Каменца. Здесь повторилась Зборовская история: король с своим малочисленным войском находился в отчаянном положении, но хан спас его, принявши мирные предложения: король обещал ему исправно посылать деньги на основании Зборовского договора и позволил татарам в продолжение сорока дней грабить, разорять и уводить в плен русских жителей в польских областях, не касаясь поляков. Хмельницкого хан уверял, что выговорил для Козаков Зборовские условия, но Богдан, с которым король не хотел входить ни в какие отношения, поспешил уйти с своим войском в Чигирин, чтоб покончить дело с Москвою.

24 декабря приехал Богдан в Чигирин, где дожидались его московские посланники – Стрешнев и Бредихин, которые объявили, что царь велел принять Козаков с городами и землями под свою высокую руку. Гетман 28 декабря отвечал благодарственной грамотою, со всем войском Запорожским

до лица земли низко челом бил: «Ради твоему пресветлому царскому величеству верно во всем служить и крест целовать и по повелению твоего царского величества повиноваться готовы будем, понеже мы ни на кого, только на Бога и на твое пресветлое царское величество надеемся». В Москве долго думали, но, надумавшись, спешили решенным делом. За Стрешневым и Бредихиным отправились в Малороссию боярин Бутурлин, окольный Алферьев и думный дьяк Лопухин принять присягу с гетмана и со всего войска. Они выехали из Москвы 9 октября, но за рубеж перешли только 22 декабря, и 23 Бутурлин писал к Стрешневу в Чигирин, спрашивал, виделся ли он с гетманом и как у них дело делалось? В Малороссии уже знали, зачем идет Бутурлин с товарищами, и потому во всех городах встречали его с торжеством, духовенство – с крестами, мещане – с хлебами. Боярин направлял путь к Переяславу. 31 декабря за пять верст от этого города выехали к нему навстречу переяславский полковник Павел Тетеря и 600 Козаков. Сойдя с лошади, Тетеря говорил Бутурлину речь: «Благоверный благоверного и благочестивый благочестивого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, его государского величества, великий боярин и прочие господа! С радостию ваше благополучное приемлем пришествие, от многого бо времени сердце наше горело бы, в наю слухом услаждаясь, яко со исполнением царского обета грядете к нам, еже быти под высокою великодержавного благочестивого царя восточного рукою пра-

вославному и преславному войску Запорожскому. Тем же аз меньший в рабех того войска Запорожского, имея приказ от Богом данного нам гетмана Зиновия Хмельницкого в богоспасаемом граде Переяславе, изшед во сретение ваю, радостное благородием вашим приветствование сотворю и нижайшее со всем войском, в том же граде содержащимся, творю поклонение, а в упокоение труда путного милостей ваших во обитель града Переяслава внити молю прилежно». При въезде в город новая встреча от духовенства с образами и хоругвями, новая речь от протопопа. Тетеря объявил Бутурлину, что гетман хотел быть из Чигирина в Переяслав прежде его боярского приезда, но нельзя переехать через Днепр: по той же причине должен был оставаться в Чигирине и Стрешнев.

6 января 1654 г. приехал в Переяслав и Хмельницкий; на другой день приехал писарь Выговский, съехались полковники и сотники. 8 числа утром пришел к Бутурлину Выговский и объявил, что у гетмана с полковниками, судьями и есаулами была тайная Рада, и полковники, судьи и есаулы под государеву высокую руку подклонились. После тайной рады в тот же день назначена была явная. С раннего утра начали бить в барабан и били целый час, чтоб собирался народ. Когда собралось много всяких чинов людей, сделали круг пространный, куда вошел гетман под бунчуком, с ним судьи, есаулы, писарь и все полковники. Гетман стал посреди круга, войсковою есаул велел всем молчать, и гетман начал говорить:

«Паны полковники, есаулы, сотники, все войско Запорожское и все православные христиане! Ведомо вам всем, как Бог освободил нас из рук врагов, гонящих Церковь Божию и озлобляющих все христианство нашего восточного православия. Вот уже шесть лет живем мы без государя, в беспрестанных бранях и кровопролитиях с гонителями и врагами нашими, хотящими искоренить Церковь Божию, дабы имя русское не помянул ось в земле нашей, что уже очень нам всем наскучило, и видим, что нельзя нам жить больше без царя. Для этого собрали мы Раду, явную всему народу, чтоб вы с нами выбрали себе государя из четырех, кого хотите: первый царь турецкий, который много раз через послов своих призывал нас под свою власть; второй – хан крымский; третий – король польский, который, если захотим, и теперь нас еще в прежнюю ласку принять может; четвертый есть православный Великой России государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Руси самодержец восточный, которого мы уже шесть лет беспрестанными молениями нашими себе просим; тут которого хотите выбирайте! Царь турецкий – бусурман: всем вам известно, как братья наши, православные христиане, греки беду терпят и в каком живут от безбожных утеснении; крымский хан тоже бусурман, которого мы, по нужде в дружбу принявши, какие нестерпимые беды испытали! Об утеснениях от польских панов нечего и говорить: сами знаете, что лучше жида и пса, нежели христианина, брата нашего, почитали. А православный хри-

стианский великий государь царь восточный единого с нами благочестия, греческого закона, единого исповедания, единого тела церковное с православием Великой России, главу имея Иисуса Христа. Этот великий государь, царь христианский, сжалившись над нестерпимым озлоблением Православной Церкви в нашей Малой России, шестилетних наших молений беспрестанных не презревши, теперь милостивое свое царское сердце к нам склонивши, своих великих ближних людей к нам с царскою милостию своею прислать изволил; если мы его с усердием возлюбим, то, кроме его царской высокой руки, благодатишайшего пристанища не обрящем; если же кто с нами не согласен, то куда хочет – вольная дорога». Тут весь народ завопил: «Волим под царя восточного православного! Лучше в своей благочестивой вере умереть, нежели ненавистнику Христову, поганину достаться!» Потом полковник переяславский Тетеря, ходя в кругу, спрашивал на все стороны: «Все ли так соизволяете?» «Все единодушно!» – раздавался ответ. Гетман стал опять говорить: «Будь так, да Господь Бог наш укрепит нас под его царскою крепкою рукою!» Народ на это завопил единогласно: «Боже, утверди! Боже, укрепи! Чтоб мы вовеки все едино были».

После Рады гетман с старшинами приехал к боярину, который объявил им: «Великий государь, видя с королевской стороны неисправленье и досады и вечному dokonчанию нарушенье и не желая того слышать, чтоб вам, единоверным православным христианам, быть в конечном разореньи, а

церквам благочестивым в запусении и поругании от латинов, под свою высокую руку вас, гетмана Богдана Хмельницкого и все войско Запорожское с городами и землями, от королевского подданства преступлением присяги его свободных, принять велел и помощь вам своими ратными людьми чинить велел. И ты б, гетман Богдан Хмельницкий, и все войско Запорожское, видя к себе великого государя милость и жалованье, государю служили, всякого добра хотели и на его милость были надежны, а великий государь станет вас держать в своей милости и от недругов ваших в обороне». Выслушав эту речь, гетман и старшины на государевой милости били челом и потом вместе с боярином поехали в карете в соборную церковь. Там уже дожидались их казанский Преображенский архимандрит Прохор, рождественский протопоп Адриан, священники и дьяконы, которые приехали из Москвы. Духовенство встретило боярина и гетмана с крестами и кадилами, пели: «Буди имя Господне благословенно от ныне и до века!» Когда все вошли в церковь, то духовенство хотело уже начать приводить к присяге по чиновной книге, присланной из Москвы; но гетман подошел к Бутурлину и сказал: «Тебе бы, боярину Василью Васильевичу с товарищами, присягнуть за государя, что ему нас польскому королю не выдавать, за нас стоять и вольностей не нарушать: кто был шляхтич или козак, или мещанин, и какие маетности у себя имел, тому бы всему быть по-прежнему, и пожаловал бы великий государь, велел дать нам грамоты на наши

маетности». Бутурлин отвечал: «В Московском государстве прежним великим государям нашим присягали их государские подданные, также и великому государю царю Алексею Михайловичу клянутся служить и прямить и всякого добра хотеть; а того, что за великого государя присягать, никогда не бывало и вперед не будет; тебе, гетману, и говорить об этом непристойно, потому что всякий подданный повинен присягнуть своему государю, и вы бы, как начали великому государю служить и о чем били челом, так бы и совершили и присягнули бы великому государю по евангельской заповеди без всякого сомнения, а великий государь вольностей у вас не отнимет и маетностями каждому велит владеть по-прежнему». Гетман сказал на это, что поговорит с полковниками и со всеми людьми, и, вышедши из церкви, пошел в дом к переяславскому полковнику Тетере и долго говорил там с полковниками и со всеми людьми, а боярин все дожидался в церкви. Вошли в церковь два полковника – переяславский Тетера и миргородский Сахнович – и от имени гетмана начали говорить боярину те же речи, чтоб присягнул за государя; Бутурлин отвечал прежде: «Непристойное дело за государя присягать, никогда этого не повелось». Полковники заметили, что польские короли подданным своим всегда присягают; Бутурлин отвечал на это: «Польские короли подданным своим присягают, но этого в образец ставить не пристойно, потому что это короли неверные и не самодержцы, на чем и присягают, на том никогда в правде своей не стоят».

Полковники говорили: «Гетман и мы государскому слову верим, только козаки не верят и хотят, чтоб вы им присягнули». Бутурлин отвечал: «Великий государь изволил вас принять под свою высокую руку по вашему челобитью, и вам его государскую милость надобно помнить, великому государю служить и радеть, и всякого добра хотеть, также стараться о том, чтоб все войско Запорожское к присяге привести; а если какие-нибудь незнающие люди такие непристойные речи и говорят, то вам надобно великому государю службу свою показать, а таких незнающих людей унимать».

С этим полковники пошли назад к гетману; через несколько времени явился сам Хмельницкий и объявил боярину: «Мы во всем полагаемся на государеву милость и присягу по евангельской заповеди великому государю вседушно учинить готовы, и за государское многолетнее здоровье головы складывать рады, а о своих делах станем мы бить челом великому государю». Архимандрит начал приводить к присяге по чиновной книге; гетман, писари и полковники плакали, произнося слова присяги. Потом, когда все старшины присягнули, взошел на амвон благовещенский дьякон Алексей и начал кликать многолетье государю; народ плакал от радости, что наконец сподобил их Господь Бог быть под государевою рукою. После всего этого гетман вместе с боярином и товарищами его поехал из собора на съезжий двор в карете, а полковники и народ шли пешком. На съезжем дворе Бутурлин вручил Хмельницкому знамя, булаву, ферязь, шапку

и соболи, причем, подавая каждую вещь, говорил речь; так, подавая знамя, говорил, между прочим: «Царское величество сие знамение тебе, благочестивый гетман, дарует: на сем царском своем знамени царя царствующих всемилостивого Спаса написанного в победу на враги, Пресвятую Богородицу в покров и преподобных печерских со святою Варварою русских молитвенников в ходатайство тебе и всему твоему православному воинству подавая». Вручая ферязь, говорил: «Благочестивый государь, орла носяй печать, яко орел покрыти гнездо свое и на птенца своя вождеде, град Киев с прочими грады, царского своего орла некогда гнездо сущий хотяй милостию своего государского покрыти, с ним же и птенца своя верные некогда под благочестивых царей державою сущие в защищение свое прияти, в знамение таковые свои царские милости тебе одежду сию дарует». Подавая шапку: «Главе твоей, от Бога высоким умом вразумленной и промысел благоугодной о православия защищении смышляющей, сию шапку пресветлое царское величество в покрытие дарует, да Бог, здраву голову твою соблюдая, всяцем разумом ко благому воинства православного строению вразумляет».

На другой день, 9 числа, присягали сотники, есаулы, писаря, козаки и мещане. 12 января пришли к Бутурлину писарь Выговский, войсковой судья Самойла, переяславский полковник Павел Тетеря, миргородский Григорий Сахнович и другие полковники и говорили: «Не изволили вы присягать за великого государя, так дайте нам письмо за своими рука-

ми, чтоб вольностям нашим, правам и маетностям быть по-прежнему, для того, чтоб всякому полковнику было что показать, приехав в свой полк; прежде, как бывали у нас договоры с королем и панами радными, то нам давали договор за сенаторскими руками; вы от великого государя присланы с полною мочью, и если вы нам такого письма не дадите, то стольникам и дворянам в города ехать для привода к присяге нельзя, потому что всем людям в городах будет сомнительно. Да писали к гетману из Белой Церкви и из других городов, что татары наступают, и стольникам и дворянам в те города ехать будет страшно». Бутурлин отвечал: «Дело нестаточное, что нам дать вам письмо за руками своими, да и вам о том говорить не пристойно; мы вам и прежде сказывали, что царское величество вольностей у вас не отнимает и в городах у вас указал государь до своего государева указа быть по-прежнему вашим урядникам и судиться по своим правам, и маетностей ваших отнять государь не велит. Теперь надобно вам делать так, чтоб Божие и государево дело во всем совершилось по его государскому указу и чтоб стольников и дворян в города послать и в городах всех людей привести к присяге, а если в котором городе татары объявятся, и они в тот город не поедут». Писарь, судьи и полковники спросили: «Долго ли стольникам и дворянам быть в городах наших?» Бутурлин отвечал: «Стольникам и дворянам в ваших городах мешкать не для чего: как только людей к присяге приведут, и они из городов уедут». Выговский с полковниками

пошел сказать об этом гетману и другим полковникам, после чего пришел к Бутурлину миргородский полковник Сахнович и сказал, что гетман и полковники положились во всем на государеву волю. Потом пришла к Бутурлину шляхта и говорила, чтоб шляхта была между козаками знатна и судилась бы по своим правам, маетностям быть за ними по-прежнему, причем подали роспись, где расписали себе воеводства и уряды. Бутурлин отвечал шляхте, что они это делают непристойным обычаем: еще ничего не видя, сами себе пописали воеводства и уряды, чего и в мысли взять не годилось; об этом он, боярин, скажет гетману. Тут шляхта стала бить челом, чтоб гетману не говорить: «Мы так писали от своей мысли, а не по гетманскому приказу, это дело в воле государевой».

14 января Бутурлин с товарищами отправился в Киев; 16 числа за полторы версты от Золотых ворот встретил его с речью митрополит Сильвестр Коссов: «Целует вас в лице моем он, благочестивый Владимир, великий князь русский; целует вас святой апостол Андрей Первозванный, провозвестивый на сем месте велию просияти славу Божию, яже ныне вашим пришествием благополучно паки обновляется; целуют вас общему житию начальницы, преподобные Антоний и Феодосий Печерстии и все преподобнии, лета и живот свой о Христе в сих пещерах изнурившие; целуем и мы о Христе ваше благородие со всем освященным собором, целующе ж любовне взываем: внидите в дом Бога нашего и на седали-

ще первейшее благочестия русского, да вашим пришествием обновится яко орля юность наследия благочестивых великих князей русских». Сильвестр стал известен в Москве летом 1651 г., когда прислал государю следующую грамоту: «Избран я на митрополию киевскую во время нужное, когда учинилась в нашей Литовской земле нынешняя междуособная брань; крестьяне, приписанные к церкви св. Софии, пошли теперь в козаки, церкви доходов, послушания и строения от них нет, только надеемся помощи от Бога и от твоего царского величества. В церкви св. Софии нет книг: двенадцати Миней месячных да Прологов на весь год, да Феофилакта, да Устава большого; а я от многих наездов властелинских, которые властели приезжают в Киев из Польши от панов и от козацких старшин, изнищен до конца, не могу ничего купить. Вели, государь, дать свое жалованье: 12 Миней месячных да Прологи сентябрьские и мартовские, да Феофилакта, да Устав большой, и на меня умиласердись, на одежду теплую пожалуй, чем бы мне зимою согреться». Просьба осталась без исполнения, потому что митрополит не подписался на грамоте своею рукою. Во время последних сношений Хмельницкого с царем о подданстве Сильвестр не отозвался ни разу; в Москве показалось это очень странным: дело идет об избавлении православных от гонения нечестивых латин, Малая Россия соединяется с Великою во имя восточного православия, а митрополит молчит; помнили поведение Иова Борецкого и тем более изумлялись поведению

Сильвестра Коссова. Но между положением Иова и Сильвестра была большая разница: Иов держал митрополию во время сильного разгара борьбы между православием и унией, когда новопоставленные архиереи православные подвергались тяжелым нареканиям и преследованиям; Иов в крайности искал спасения везде, обращался к козакам, обращался к Москве, причем все другие расчеты и соображения были забыты. Но Сильвестр правил церковью совершенно в иное время, когда благодаря Хмельницкому религиозные преследования затихли: правда, католические прелаты не пустили Сильвестра в Сенат, зато в Киеве его никто не трогал, в Киеве никто не запирали церковью православных. Прекращение гонений давало простор другим интересам: Сильвестр был шляхтич и потому не мог не сочувствовать шляхетскому государству, а главное, при польском владычестве он был независим, ибо зависимость от отдаленного и слабого патриарха византийского была номинальная, тогда как при подданстве Малороссии московскому государю трудно было избежать зависимости от московского патриарха, которая была уже не то.

После молебна спросил Бутурлин митрополита: «Почему в то время, когда гетман Богдан Хмельницкий и все войско Запорожское много раз били челом великому государю принять их под свою высокую руку, ты никогда о том не бил челом, не писал и не искал себе милости царской?» Сильвестр отвечал, что он ничего об этом не знал, а теперь за

государево многолетнее здоровье, и за государыню-царицу, и за благоверных царевен он должен бога молить. 17 января приведены были к присяге сотники, есаулы, атаманы, козаки и мещане киевские; но когда Бутурлин послал к митрополиту и печерскому архимандриту, чтоб они прислали к присяге шляхту, слуг и всех своих дворовых людей, то получил ответ, что, переговора вместе, дадут знать. На другой день, 18 числа, Бутурлин опять послал сказать митрополиту, чтоб он, служа великому государю, склонял подвластных своих к присяге, не отвращал от нее. Митрополит отвечал, что шляхта, слуги и дворовые люди его не принадлежат к Софийскому дому, служат ему по найму и потому не годится им присягать царю. Послы употребили угрозы, митрополит продолжал утверждать, что шляхта и дворовые люди его вольные, что он их к присяге не вышлет, что в пастве его много епископов и духовенства, которые остаются в литовских городах, что если король узнает о присяге его шляхты и дворовых людей царю, то велит изрубить этих епископов и духовенство, и он, митрополит, обязан будет отвечать за души их Богу. При этом Сильвестр никак не хотел видеться с Бутурлиным. Наконец, 19 числа, митрополит уступил, и шляхта его, слуги и дворовые люди, также и слуги печерского архимандрита были приведены к присяге.

В конце января Бутурлин с товарищами отправился назад в Москву. Стольник Головин выехал к нему навстречу в Калугу с государевым милостивым словом и между про-

чим говорил: «А что было гетман и полковники говорили вам, чтоб за нас, великого государя, учинить присягу, что нам за них стоять и вольностей их не нарушить, и вы, служа нам, великому государю, то у них отговорили и все учинили по нашему указу». В начале марта приехали в Москву посланники Хмельницкого, генеральный судья Самойла Богданович Зарудный и переяславский полковник Тетеря, бить челом: 1) чтоб в городах урядники были выбираемы из малороссиян, люди достойные, которые должны будут всем управлять и доходы в казну царскую отдавать; если же придет царский воевода и станет права их ломать и уставы какие-нибудь чинить, то это им будет в великую досаду. Царь пожаловал, велел быть по их челобитью, только прибавлено, что при сборе казны над малороссийскими урядниками наблюдают люди, присланные государем; 2) чтоб вольно было гетману и войску Запорожскому принимать иностранных послов; а если б послы эти пришли с чем-нибудь противным царскому величеству, то давать знать об этом государю. Царь указал: о добрых делах послов принимать и отпускать, давая обо всем знать в Москву подлинно и вскоре; послов, пришедших с противным делом, не отпускать до указа царского; с турским же султаном и польским королем без указа царского не ссылаться; 3) чтоб число реестровых Козаков было 60 000. На это последовало согласие; 4) чтоб по смерти гетмана войско Запорожское само избирало нового. Государь указал, и бояре приговорили: быть по их челоби-

тью; 5) чтоб права, данные князьями и королями духовным и мирским людям, не были нарушены. Последовало согласие. Хмельницкий выпросил себе у царя город Гадяч с принадлежностями в потомственное владение.

С посланниками гетманскими все было улажено, но вот в том же марте месяце пришла грамота из Киева от воеводы князя Куракина с товарищами: как приехали они в Киев и города Киева со всякими людьми осматривали, где бы построить крепость от прихода польских и литовских людей, и нашли место на горе близ Софийского монастыря, то митрополит объявил им, что он этой земли не уступит и города или острога на этом месте ставить не даст, потому что то земля его, митрополичья, софийская, Архангельского и Никольского монастырей и Десятинной церкви, под его митрополичьею паствою; а если они, бояре, хотят черкас оберегать, то они бы оберегали от Киева верст за двадцать и больше; а если бояре начнут ставить город на том месте, которое выбрали, то он станет с ними биться; хотя гетман со всем войском Запорожским и поддался государю, но он, митрополит, со всем собором о том бить челом к государю не посылавал, и живет он с духовными людьми сам по себе, ни под чьею властью; и начал митрополит боярам грозить: «Не ждите начала, ждите конца; увидите сами, что над вами вскоре конец будет» – и в городском деле отказал впрямь. Тогда воеводы сказали ему, что они его слушать не будут, слушают государева указа, и, поговоря с полковниками и со всяки-

ми городскими людьми, начали ставить город на избранном месте. Получивши это донесение от воевод, государь писал Хмельницкому, чтоб он велел ехать митрополиту в Москву – *дать о себе исправленье*. Но гетман вступился за митрополита и велел сказать воеводам, чтоб они на том месте острога не делали, потому что прав церковных и даянья православных князей ломать нельзя. Тогда царь написал к гетману, что он вместо избранной под крепость земли даст митрополиту и церквам другие земли и чтоб митрополит не оскорблялся.

В июле 1654 г. приехал в Москву Никольский игумен Иннокентий Гизель с товарищами бить челом о подтверждении прав малороссийского духовенства и подал царю грамоту от митрополита Сильвестра, в которой тот оправдывал свое сопротивление крепостной постройке: «Известно буди вашему царскому величеству, то я это сделал не из сопротивления вашему царскому величеству, как некоторые на меня наклеветали, но потому, что земля эта с древних времен принадлежит митрополии и предшественники мои много страдали, защищая ее, и я, преемник их, не захотел этой земли от Церкви Божией отлучить, ибо и корм только от этой земли мне идет. Вот почему я и спрашивал, есть ли письменное повеление вашего царского величества строить твердыни града на церковной земле; в старину у нас был такой обычай, что, прежде чем приказывать и брать, показывали письменное приказание пославшего, но воеводы не имели письменного повеления вашего царского величества. Прости меня,

всемилоостивый царь! Сделал я это ради ревности к месту святому церковному, а не из сопротивления вашему царскому величеству. К тому же и от гетмана Богдана Хмельницкого, теперь нашей земли начальника и повелителя, я имел приказание мимо его указа никому не позволять ничего делать и брать, и я не смел преступить этого приказа, а послал объявить об этом гетману, и как скоро он прислал мне указ, чтоб я позволил строить крепость, то я оставил всякое сопротивление, благословил воеводам строить. А что я не посылал до сих пор посланников моих с челобитием к вашему царскому величеству, то это происходило не от нерадения моего или презрения вашей пресветлой державы: я хотел немедленно послать, но гетман запретил посылать прежде, чем его посланники от вашего царского величества возвратятся». Хмельницкий в своей грамоте также оправдывал митрополита: «Что прогневалось было твое царское величество на преосвященного пастыря нашего, как будто он разорял дело Божие и совокупление православия не принимал, то не верь этому: ибо сколько зла претерпел он за веру и православие святое, и теперь он сильно радуется о мире всего мира, всегда молится и о твоём царском величестве. Изволь преосвященного пастыря и весь собор священный пожаловать, моления их не презреть и прочим клеветам не верить».

Гизель подал статьи, которых утверждения просило мало-российское духовенство; из них важнейшие: 1) чтоб мало-

российское духовенство не было изъято из-под власти константинопольского патриарха; 2) чтоб духовные власти удерживали свои должности до смерти, а преемники их поступали бы посредством вольного избрания как духовных, так и мирских людей и чтоб государь москвичей в Малую Россию не присылал на духовные места; 3) чтоб в духовных судах виноватых не отсылать в Великую Россию. Малороссийское духовенство било челом обо всех этих правах, но особенно о первой вольности, которая всем вольностям и правам корень, – быть под послушанием Константинопольского патриарха. «На этом основании, – говорилось в челобитной, – все наши вольности изданы; если мы не сподобимся пожалования вашего царского величества, то митрополит со всем духовенством сильно скорбеть и унывать начнут, и другие духовные, которые еще не под рукою вашего царского величества, а только усердно желают этого, видя вашу скорбь, начнут малодушествовать». Решение на эти статьи государь отложил до возвращения своего из похода.

Костомаров Н.И. Малороссийский гетман Зиновий- Богдан Хмельницкий⁶

Гетману очень хотелось затянуть Московское государство в войну с Польшей. После Зборовского договора он был огорчен отказом царя помочь ему. Когда приехал к нему гонец толковать о пограничных делах, Хмельницкий, по своему обычаю, сдержанный в трезвом виде и откровенный в пьяном, бывши тогда навеселе, произнес ему такие речи:

«Что вы мне все про дубье и про пасеки толкуете? Вот я пойду, изломаю Москву и все Московское государство; да и тот, кто у вас на Москве сидит, от меня не отсидится: зачем не дал он нам помощи на поляков ратными людьми?» Казаки говорили великорусским гонцам так: «Мы пойдём на вас с крымцами. Будет у нас с вами, москали, большая война за то, что нам от вас на поляков помощи не было».

Московское правительство поняло, что если оно не будет заодно с Хмельницким, то наживет себе в Хмельницком врага, и начало, по выражению того времени, «задирать Польшу». В июле 1650 г. приехал в Варшаву послом Таври-

⁶ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Второй отдел: Господство дома Романовых до вступления на престол Екатерины II. Выпуск пятый: XVII столетие, <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/kostom/kostlec.htm>

ло Пушкин с жалобой на то, что, во-первых, в некоторых официальных бумагах неточно был написан царский титул, а во-вторых, на то, что в Польше печатались «бесчестные книги», в которых с неуважением отзывались о царе и московском народе. Так, например, между прочим, в латинской истории Владислава IV, написанной Вассенбергом, было сказано: «Москвитяне только по одному имени христиане, а по делам и обычаям хуже всяких варваров: мы их часто одолевали, побивали и лучшую часть их земли покорили своей власти». Московский посол требовал, чтобы все «бесчестные книги» были собраны и сожжены; чтобы не только слагатели их, но и содержатели типографий, где они были напечатаны, наборщики и печатальщики и самые владельцы имений, где находятся типографии, были казнены смертью.

«Из таких требований, – сказали сенаторы послу, – мы видим, что его царское величество ищет предлога к войне; несколько строк, которыми погрешали литераторы, не дают повода к разрыву мира. Стоит ли из-за того проливать кровь!»

Московское посольство настаивало на своем. Несколько книг было сожжено в их присутствии; но это их не удовлетворило. Они уехали, сказав последнее слово, что только наказание слагателей «бесчестных книг» и людей, писавших царский титул с пропусками, может отклонить Польшу от разрыва с Московским государством.

Хмельницкий между тем, сдружившись с крымским ха-

ном, отправил казаков с татарами на Молдавию мстить молдавскому господарю Василию Лупуле за то, что последний не хотел исполнять своего обещания отдать дочь свою за сына Хмельницкого. Казаки и татары навели такой страх на молдавского господаря, что он просил мира и союза. Во время этого похода коронный гетман Потоцкий, воротившись из крымского плена, расположился на Подоли. Он не решался помогать молдавскому господарю, но занимался укрощением подольских холопов, которые образовали тогда шайки под названием «левенцов» и открыто вели войну с коронными жолнерами. Польский отряд, под начальством Кондратского, разбил их и привел к Потоцкому главного их предводителя Мудренка с двадцатью другими атаманами. Потоцкий приказал их изуродовать и распустить, чтобы они наводили страх на всякого, кто не захочет повиноваться панам. Этих изуродованных привели к Хмельницкому. Хмельницкий отправил к Потоцкому полковника Кравченко.

– Или ты еще не напился крови нашей, пан гетман? – сказал Потоцкому Кравченко. – Зачем нарушаешь договор? Зачем переходишь за черту на казацкую землю, когда не слышно неприятеля?

– Земля никогда не была казацкой! – гневно закричал Потоцкий, схватившись даже за саблю. – Земля принадлежит Речи Посполитой. Имею право стоять и на черте и за чертой.

– Речь Посполитая, – сказал Кравченко, – может положиться на казаков; мы защищаем отечество.

– Какие вы защитники, – сказал Потоцкий, – когда вы делаете насилие шляхетству и вынуждаете владельцев бежать из своих имений?

– А зачем паны мучат и утесняют народ? – сказал Кравченко. – Владельцы должны ласково и кротко обращаться с поселянами, потому что они, хотя и подданные ваши, а в ярмо шеи класть не станут.

После этого крупного разговора коронный гетман Потоцкий доносил королю, что Хмельницкий обманывает поляков и полякам остается напасть на Хмельницкого и уничтожить казачество.

Предвидя, что война неизбежна, Хмельницкий начал подготавливать себе союзников: сноситься с Турцией, с седмиградским князем Ракочи, убеждал их действовать вместе против Польши, наконец, завел сношения и с Швецией.

Эти сношения сделались известны в Варшаве. Король в конце 1650 года издал универсал для предварительных сеймиков; король извещал в нем все польское шляхетство, что Хмельницкий строит козни против Речи Посполитой; что на Украине чернь неистовствует против шляхетства; что на будущую весну надобно ожидать войны с казаками.

В декабре собрался сейм. Хмельницкий прислал на него депутатов: Марковича, Турского и Дорошенка. Они привезли требование: во-первых, уничтожить унию; во-вторых, чтобы знатнейшие чины Польского государства утвердили присягой Зборовский договор; в-третьих, чтобы четыре

знатнейших пана: Вишневецкий, Конецпольский, Любомирский и коронный обозный Калиновский, оставались заложниками мира и жили в своих украинских имениях без двора и ассистенции; в-четвертых, чтобы русский народ не терпел никаких стеснений от панов духовных и светских.

Это требование произвело чрезвычайное волнение как в сенате, так и между послами. Адам Кисель стал было доказывать, что поляки действительно обязаны уничтожить унию, представляя, что тогда и сами православные будут поддерживать Речь Посполитую. Но заявление Киселя еще сильнее взволновало поляков. Они закричали: «Как козел не станет бараном, так и схизматик не будет искренним защитником католиков и шляхетских вольностей, будучи одной веры с бунтовщиками холопами. Как! для схизматиков, для глупого холопства не позволять шляхте верить, как повелевает Дух Святой, а пусть верит, – как предписывает пьяная, сумасшедшая голова Хмельницкого! Вот какой проявился доктор чертовской академии, холоп, недавно выпущенный на волю! Хочет отнять у поляков веру святую! Им не нравится слово «уния», а нам не нравится слово «схизма». Пусть отрекутся от своего безумного схизматического учения. Пусть соединятся с западной церковью и назовутся правоверными».

Таков был голос всей католической и шляхетской Польши того времени. Домогательство русских уничтожить унию затронуло религиозную струну польского сердца. 24 декабря война была решена единогласно. Положили собрать поспо-

литое рушение и сделать временный налог для платы регулярному войску.

Тем не менее казацкие депутаты получили шляхетское достоинство.

Неприятные действия начались в феврале 1651 года, неудачные для казаков.

Между тем вся Польша вооружилась. Папский легат привез королю первосвященническое благословение, мантию и освященный меч, а королеве – золотую розу. Этим не совсем был доволен король, потому что папа не прислал ему денег, которых он просил; но когда король обнародовал, что святой отец благословляет отправлявшихся на брань и посылает отпущение грехов, то это сильно воодушевило поляков. Король назначил сборное место под Соколом и прибыл туда в мае.

У казаков было также религиозное побуждение. Приехал к ним из Греции коринфский митрополит Иоасаф. Он препоясал Хмельницкого мечом, который был освящен на самом гробе Господнем. Сам константинопольский патриарх прислал Хмельницкому грамоту, в которой одобрял войну, предпринятую против врагов православия. Но войска в этом году у Хмельницкого было меньше, чем прежде. За ним уже меньше было той нравственной силы, какую он прежде имел в глазах народа; холопы стали не доверять ему за потачку панам, за казнь мятежников. Союз с татарами не по душе был народу, потому что эти союзники, вступая в русскую

землю, под видом дружбы, уводили в плен женщин и детей. Многие реестровые казаки, пользуясь своими правами, охотнее бы хотели идти на турок. Находились даже такие, хотя в небольшом количестве, которые предложили свои услуги полякам. Притом Хмельницкий имел повод опасаться вторжения литовского войска и должен был оставить часть войска на северной границе, чем развлекал свои силы. Хмельницкий долго дожидался хана и дал время своим неприятелям собраться. Двинувшись на Волынь, он стоял под Збарожем, не отваживаясь один нападать на короля; а между тем в его стане распространились повальные болезни, так что казаки в одно время вывезли из своего стана двести шестьдесят возов с больными и умершими.

Простояв несколько недель под Соколом, поляки перенесли свой стан на реку Стырь и избрали обширное поле под Берестечком. Хмельницкий, все еще ожидая хана, упустил удобное время напасть на неприятеля, когда поляки проходили по болотистым местам и переправлялись через реку Стырь. Ислам-Гирей прибыл, наконец, со своей ордой; но на этот раз крымский хан шел на войну поневоле и только по приказанию турецкого султана. Ему невыгодно было нарушать Зборовский договор; ему хотелось, напротив, идти войной на Москву, с которой

Хмельницкий, к досаде его, дружил. Между татарскими беями были враги, недоброжелатели Хмельницкого. 19 июня (29 по новому стилю) появились казаки и татары в виду поль-

ского войска. 20 июня, в два часа пополудни, началось сражение; и вдруг хан стремительно бросился в бегство; за ним побежали все его мурзы и беи. Это бегство до того поразило всех татар, что они, не будучи никем преследуемы, побросали в беспамятстве свои арбы с женами и детьми, больных и даже мертвых, в противность алькорану, запрещающему оставлять правоверных без погребения. Хмельницкий поручил начальство полковнику Джеджалыку, а сам погнался за ханом, думая остановить его. Хан, остановившись в трех верстах от поля битвы, сказал Хмельницкому: «На нас на всех страх напал. Татары биться не будут. Остаься со мной, подумаем. Завтра я пошлю своих людей помогать казакам». Но вместо того, на другой день он двинулся к Вишневцу и потащил за собой Хмельницкого. Писарь Выговский поехал просить хана освободить Хмельницкого; хан и его задержал. Таким образом, гетман с писарем очутились в плену у хана.

Поляки заняли все поле, где стояли татары, и начали теснить казаков. Джеджалык храбро отбивал натиски и отступил к реке Пляшовой. Здесь казаки сбили свои возы в четверугольник: с трех сторон сделали окопы, а с четвертой большое болото защищало их лагерь. Десять дней выдерживали они неприятельскую пальбу, вступали с поляками в переговоры, но соглашались мириться с ними не иначе, как только на условиях Зборовского договора. Поляки знать этого не хотели, требовали совершенной покорности. Между тем в русском стане началась безурядица и смятение. Начальство

перешло от Джеджалыка к полковнику Богуну. Между холопами на сходках стали ходить такие речи: татары разоряют край наш; выдадим королю старшину и будем свободны. Богун, услышавши эти толки, составил план устроить наско-ро плотину и уйти с казаками. Ночью с 28 на 29 июня казаки свозили на болото возы, кожухи, шатры, кунтуши, мешки, седла, устроили три плотины и стали уходить отрядами один за другим, незаметно ни для поляков, ни для толпы холопов в своем стане. Утром, 29 июня, когда русские стали завтракать, вдруг кто-то закричал: «Братцы, все полковники ушли!» По всей массе пробежал внезапный страх; все бросились врассыпную; плотины не выдержали, и люди начали тонуть. Холопы метались в разные стороны и впопыхах стремглав бросались в реку. Поляки долго не понимали, в чем дело, и только спустя несколько времени бросились в казацкий лагерь и стали добивать бегущих. Митрополит Иоасаф удерживал бегущих и был убит каким-то польским шляхтичем.

Королю принесли его облачение и освященный меч.

После разгрома казацкого лагеря король распустил посполитое рушение и уехал в столицу, а регулярное (иначе кварцаное) войско двинулось на Украину уничтожить казачество, как поляки надеялись.

Хан продержал Хмельницкого до конца июля под Вишневецом и отпустил, вероятно взяв с него деньги в виде окупа, как сообщают о том польские источники. Хмельницкий, по своем освобождении, поехал прямо в Украину и, прибыв

в местечко Наволочь, три дня и три ночи пил без просыпу. Тут начали сходиться к нему полковники с остатками разтрепанных своих полков. Но никогда не показал Хмельницкий такого присутствия духа, такого мужества, неутомимой деятельности и силы воли, как в это ужасное время. Народ волновался, обвинял его. В народе было много недовольных за прежнюю потачку панам; сердились на него и за союз с татарами, которые разоряли край. В разных местах были мятежные сходбища, на которых думали выбирать иного гетмана. Хмельницкий на Масловом броде явился перед народным сборищем, успокоил толпу, уверял ее, что не все еще потеряно, что дела поправятся; собирал, одушевлял народ, пополнял полки, сносился снова с ханом, который опять обещал Украине помощь. В то же время Хмельницкий продолжал сноситься с московским правительством; к нему беспрестанно ездили разные подьячие и дети боярские; всем он говорил одно и то же о желании своем поступить под высокую руку православного государя. Но разом он и угрожал Москве, говоря, что если царь не примет его под свою руку, то казаки поневоле пойдут с поляками и крымцами на Московское государство. В минуты, когда гетман, любивший выпить, был навеселе, он говорил резко: «Я к москалям с искренним сердцем, а они надо мной насмеваются. Пойду и разорю Москву, хуже Польши!» В эти дни, к удивлению поляков, Хмельницкий вновь женился: третья жена его была Анна Золотаренко; брат ее сделан был нежинским полков-

ником.

Народ южнорусский, несмотря на понесенный удар и на новые усилия врагов покорить его, казался готовым лучше погибнуть, чем поступить в прежнее порабощение. Казацкие полки быстро наполнялись новыми охотниками; жители поголовно вооружались, за недостатком оружия, косами и ножами.

Польское войско вступило на Украину и встретило сильное и единодушное сопротивление. Жители истребляли запасы, жгли собственные дома, беспрестанно нападали на поляков отдельными шайками, отнимали у них возы, лошадей, портили дороги, ломали мосты. Польское войско стало терпеть недостаток продовольствия.

Лишившись в Наволочи скоропостижно умершего, лучшего из польских военачальников Иеремии Вишневецкого, поляки 13 августа пришли к местечку Трилисы. Казаки, засевшие там под начальством храброго сотника Александренка, вместе с жителями местечка, защищались до последнего и все погибли: женщины дрались наряду с мужчинами, и одна женщина убила косою полковника Штрауса. Поляки за это сопротивление пришли в такое неистовство, что, рассеявшись по окрестным хуторам, истребляли всех русских, не щадя даже грудных младенцев. Зато, со своей стороны, русские с особенным зверством мучили попавшихся к ним поляков и служивших в польском войске немцев. Приведя пленников куда-нибудь в лес или в ущелье, они сначала, для

поругания, угощали их вином и медом, вели с ними приятельскую беседу, а потом прокалывали их рожнами, сдирали с живых кожи и тому подобное.

С северной стороны нахлынула на Украину другая военная сила: предводитель литовского войска Радзивилл послал отряд против черниговского полка, которому Хмельницкий поручил беречь границу. По причине оплошности черниговского полковника Небабы, казаки потерпели поражение. Радзивилл занял Чернигов, а потом, в последних числах июля, подступил к Киеву. Киевский полковник Жданович вышел из города в надежде напасть на литовцев, когда последние будут находиться в Киеве. Город был занят литовцами 6 августа; казаки с двух сторон: сухопутьем от Лыбеди и на судах по Днепру – стали приближаться к городу. Тут киевские мещане сами зажгли город, чтобы произвести в литовском войске замешательство и тем пособить нападавшим на него казакам. Но корсунский полковник Мозыра не послушался Ждановича, начал давать не в пору огнем сигналы плывшим по Днепру и тем испортил план Ждановича. Литовцы не могли быть застигнутыми врасплох и отбили нападение. Киев сильно пострадал от пожара. После этого Радзивилл снесся с Потоцким, и оба войска, по состоявшемуся между их предводителями договору, с двух противоположных концов, в конце августа сошлись под Белой Церковью, близ которой находился Хмельницкий со своим войском.

Хмельницкий предложил мир. Положение казаков было

печально. Но поляки, с одной стороны, видели отчаяние русского народа, способного вести борьбу на жизнь и на смерть, с другой – затруднялись добывать продовольствие. Поэтому польские предводители согласились мириться и выслали для переговоров с гетманом и старшиной комиссаром Адама Киселя с товарищами в белоцерковский замок.

Народ узнал, что идет дело о сокращении казачества и о сужении границ казацкой земли.

Толпа собралась под замком. Раздались яростные крики: «Ты, гетман, ведешь трактаты с ляхами и нас покидаешь, себя самого и старшину спасаешь, а нас знать не хочешь, отдаешь нас под палки, батоги, на колы да на виселицы! Нет, прежде чем до этого дойдешь – и ты положишь голову, и ни один лях отсюда живым не уйдет!» Они хотели схватить и убить комиссаров. Хмельницкий не устрасился, вышел к толпе, которая грозила ему саблями и дубинами, уговаривал ее, представлял, что послов трогать нельзя, и, наконец, собственноручно положил своей булавой нескольких смельчаков, выдвинувшихся вперед.

Решительность Хмельницкого и влияние, которым он все еще пользовался, несмотря на разлад с народными требованиями, удержали на время народ от дальнейшего взрыва. Переговоры тянулись не один день. Хмельницкий посылал то одно, то другое добавление; между тем казаки делали нападения на польское войско: гетман отговаривался, что это происходит не по его желанию. Хмельницкому опасность

угрожала с обеих сторон. Он не решался вступить в решительную отчаянную битву, не надеясь выиграть победы, не решался и заключить мир, потому что народная толпа, по видимому, готова была растерзать его за это. Так прошло время до 16-го сентября. В это время появилось моровое поветрие как в польском, так и в казацком войске. Обстоятельство это ускорило заключение мира. По договору, называемому в истории, от места его составления, Белоцерковским, у Хмельницкого, вместо трех воеводств, в пределах казацкой черты, осталось одно Киевское воеводство, и, в силу этого сужения границ, число реестрового войска было уменьшено до двадцати тысяч. Шляхетство вступало в свои владения с прежним правом; жидаы тоже могли жить везде.

По окончании договора Хмельницкий посетил своих победителей, и, по сознанию самих польских историков, его хотели было отравить, но он догадался, не пил предложенного вина и ускакал в свой стан.

Само собой разумеется, что такой мир не мог продержаться долго. Жители южной Руси, не желая быть в порабощении у панов, во множестве бежали в Московское государство на слободы. Уже в прежние годы совершались такие переселения и появились слободы около Рыльска, Путивля, Белгорода. В этот год переселение произошло в несравненно большем размере. Первый пример показали волынцы. Казаки возникшего было острожского полка, под предводительством Ивана Дзинковского, основали, с царского дозволе-

ния, на берегу реки Тихой Сосны Острогожск и перенесли с собой все казацкое устройство. Таким образом, явился первый слободской полк. За ними – малорусы начали переселяться в огромном количестве в привольные южные степи Московского государства с берегов Днестра, Буга и других мест. Они сжигали свои хаты и гумна, чтобы не доставались врагам, складывали на возы свои пожитки и отправлялись огромными ватагами искать новой Украины, где бы не было ни ляхов, ни жидов. Отряды польского войска заступали им дорогу; украинцы пробивались с ружьями и даже пушками на новое жительство. Тогда менее чем в полгода, появились в пограничных областях многие малорусские слободы, из которых некоторые дали начало значительным городам: так основаны были Сумы, Короча, Белого лье, Ахтырка, Лебедин, Харьков и другие. Поселенцы выбирали места, по возможности, безопасные, и потому большей частью вблизи болот, мешавших татарским внезапным нападениям.

По окончании реестрования литовское войско вошло в Черниговское воеводство, а часть коронного пришла на левый берег Днепра, с тем чтобы не пропускать переселенцев в Московское государство. Сам Хмельницкий своим универсалом запрещал народу дальнейшие выселения и строго приказывал не вошедшим в реестр повиноваться панам.

Но русский народ не думал повиноваться панам. Весной 1652 г. вся Украина была уже в огне. По Бугу и Днестру жители бросали свои жилища, скрывались в ущельях и лесах,

составляли шайки, нападали на поляков. На правой стороне русский шляхтич Хмелецкий собирал и возбуждал недовольных как против поляков, так и против своего гетмана. На левой – составлял ополчение бывший корсунский полковник Мозыра, смененный Хмельницким. В миргородском полку полковник Гладкий пристал к народному заговору против расставленных польских жолнеров, и в день Святого Воскресенья все они были перебиты. Такую же резню произвели над литовцами около Мглина и Старо дуба. Около Лубен мятежные холопы низлагали с гетманства Хмельницкого и выбрали какого-то Бугая своим предводителем.

Хмельницкий не был безопасен в собственном Чигирине. Пришедшая в отчаяние народная громада готова была нагнать на него и убить. Гетмана повсюду стали называть изменником, продавшим ляхам Украину. В таком положении Хмельницкий дозволил записываться в реестр более определенного числа. Польский военачальник Калиновский упрекал его за это. Хмельницкий объяснял, что сделал это распоряжение для пользы самих поляков, потому что иначе усмирить народ невозможно.

По требованию короля, Хмельницкий, однако, подписал смертный приговор Гладкому, Хмелецкому и Мозыре; им отрубили головы. Кроме этих жертв, было совершено еще несколько смертных казней. Но скоро после того обстоятельства повернулись так, что Хмельницкий снова стал заодно с народом.

Молдавский господарь Василий Лупул обещал в 1650 г. дочь свою Домну Локсандру в жены Тимофею Хмельницкому, но, извиняясь молодостью невесты, просил отсрочки на год. Потом он не только не хотел исполнять данного обещания, а еще и тайно вредил Хмельницкому во время второй войны последнего с поляками. В 1652 г. Хмельницкий напомнил господарю его обещание и выслал своего сына с казаками к границам Молдавии, давая знать этим, что если господарь не захочет исполнить данного слова добровольно, то принужден будет исполнить его поневоле.

По уверению польских историков, Лупул известил об угрожающем ему насилии предводителя польского войска Калиновского, а Калиновский, расположивший свое войско над рекой Бугом, вздумал пресечь путь сыну Хмельницкого, идущему в Молдавию.

Гетман Хмельницкий предупредил Калиновского письмом, просил не трогать Тимофея и отступить с дороги, так как Тимофей идет себе жениться и не имеет никаких враждебных намерений против поляков, иначе не ручался, чтоб казаки, которых он называл свадебными боярами, не завели ссоры и не вышло бы нарушения мира. Но Калиновский, назло Хмельницкому, нарочно поступил против его предостережения и сам напал на Тимофея Хмельницкого, который шел не только с сильным казацким отрядом, но еще и в сопровождении татарского Карача-мурзы с его ордой. Во время нападения русские холопы, бывшие на работе в польском

обоже, умышленно зажгли сено, распространился пожар. Казаки и татары стеснили поляков и совершенно разбили. Калиновский пал в битве. Поляки бежали во все стороны, казаки и окрестные холопы гонялись за ними, не слушали никаких молений о пощаде и без сострадания убивали, приговаривая: «Вот вам за унию! вот вам за Берестечко! вот вам за ваши поборы!» и т. п. Все польское войско в числе двадцати тысяч погибло в этой знаменитой битве, прозванной, по урочищу, где она происходила, батогскою. Удар, нанесенный Польше, был не легче корсунского. Тимофей Хмельницкий благополучно достиг пределов Молдавии, по просьбе господаря оставил свое войско на границе, сам приехал в Яссы и сочетался браком с молдавской принцессой.

Таким образом, недавно заключенный мир, тяжелый для Хмельницкого, был нарушен самими поляками. Жолнеры, стоявшие в других местах, были немедленно изгнаны.

Хмельницкий известил короля о случившемся под Батогом, доказывал, что виной всему Калиновский, а о своих казаках выразился так: «Простите их, ваше величество, если они, как люди веселые, далеко простерли свою дерзость». В Польше это приняли за насмешку. Польша не имела войска и поневоле должна была отложить военные действия до следующего года. Весной 1653 г. польский военачальник Чарнецкий, ворвавшись в Брацлавщину по берегу Буга, истреблял села и местечки: поляки резали жителей без разбора. По выражению их же соотечественника, не щадили ни красивой

девушки, ни беременной женщины, ни грудного младенца. Храбрый винницкий полковник Богун остановил этот варварский набег и обратил Чарнецкого в бегство.

Вслед за тем собралось большое польское войско под Глинянами, с намерением идти на Украину и предавать ее окончательно разорению; между тем война разыгрывалась и в другом краю, в Молдавии. Там между Лупулом, тестем Тимофея Хмельницкого, и Стефаном Бурдуцом, купившим себе в Константинополе право на господство, происходила борьба. Тимофей с казаками защищал тестя; венгерцы и поляки подали помощь врагу его из нежелания, чтоб родственник и союзник Хмельницкого владел Молдавией.

Гетман Хмельницкий обратился опять к царю Алексею Михайловичу, умолял принять его с казаками под свою руку. Царь на этот раз хотя все еще не дал согласия, но отвечал, что принимает на себя посредничество примирить польского короля с Хмельницким.

20 июля явился в Польшу царский посланник боярин Репнин-Оболенский с товарищами, припомнил прежнее требование о наказании лиц, делавших ошибки в царском титуле, и объявил, что царь простит виновных в этом, если поляки, со своей стороны, помирятся с Хмельницким на основании Зборовского договора и уничтожат унию.

Паны на это отвечали, что уничтожить унию невозможно, что это требование равняется тому, если бы поляки потребовали уничтожить в Московском государстве греческую

веру, что греческая вера никогда не была гонима в Польше, а с Хмельницким они не станут мириться не только по Зборовскому, но даже и по Белоцерковскому договору, а приведут казаков к тому положению, в каком они находились до начала междоусобия.

Тогда московский посол сказал, что если так, то царь не будет более посылать в Польшу послов, а велит писать о неправдах польских и нарушении поляками мирного договора во все окрестные государства и будет стоять за православную веру, за святые Божии церкви и за свою честь, как ему Бог поможет!

Поляки, соображая, что Хмельницкий пойдет с войском на помощь к сыну, который находился в стесненном положении в Молдавии, двинулись с войском на Подол к Каменцу. Король предводительствовал войском. Поляки надеялись перерезать путь Хмельницкому, который собирался идти в Молдавию на выручку сына. Отправляясь в поход, он известил царя, что поляки идут на поругание веры и святых церквей, и прибавил: «Турецкий царь прислал к ним в обоз в Борки своего посланца и приглашает к себе в подданство. Если, ваше царское величество, не сжалишься над православными христианами и не примешь нас под свою высокую руку, то иноверцы подобьют нас и мы будем чинить их волю. А с польским королем у нас мира не будет ни за что».

Тесть Тимофея, Лупул, ушел из Молдавии, а Тимофей с тещей заперся в сочавском замке. С Тимофеем были казаки.

Огромное войско, состоявшее из волохов, молдаван, сторонников Стефана Бурдуца, венгерцев и поляков осадило Сочаву. Осажденные храбро отбивались, ожидая выручки от Хмельницкого. Но однажды осколок разбитого ядром дерева ранил в ногу Тимофея; рана превратилась в антонов огонь, Тимофей умер. Казацкий полковник Федоренко продолжал несколько времени отбиваться, но голод принудил его сдать крепость. 9-го октября казаки вышли из сочавской крепости, выговорив себе свободный проход на Украину с телом Тимофея Хмельницкого. Богдан Хмельницкий встретил на дороге тело сына, приказал везти его на погребение в Чигирин, а сам пошел на поляков.

К нему пристал тогда крымский хан. Поляки, считая себя победителями татар под Берестечком, перестали ему платить сумму, постановленную под Зборовом. Хану захотелось вернуть себе этот доход.

Враги встретились на берегу Днестра под Жванцем, в пятнадцати верстах от Каменца, против Хотина. Была уже поздняя осень. Положение поляков было печальное. Войско их, составленное из непривычных к ратному делу воинов, разбежалось. Но хан наблюдал только одну свою выгоду и предложил полякам мир, с условием, если ему заплатят одновременно сто тысяч червонных, а потом станут платить ежегодно на основании Зборовского договора и вдобавок дадут татарам право на возвратном пути брать сколько угодно пленников в польских областях.

Как ни диким казалось последнее требование, но поляки согласились и на него, выговоривши себе только то условие, чтобы татары брали в плен в продолжение сорока дней одних русских и не трогали поляков.

Ханский визирь договорился с поляками и в том, что с этих пор хан отступит от казаков, но в настоящее время просил для вида обещать им утвердить Зборовский договор, чтоб не раздражать казацкую толпу; впоследствии же хан сам обещал помогать полякам укротить казаков.

Хмельницкий узнал об этом тайном условии, умолял хана не покидать его – все было напрасно. Союз с поляками, по расчету хана, был выгоднее, чем с казаками. Хмельницкому невозможно было отважиться в данную минуту на борьбу разом и с поляками и с татарами. Он принужден был молчать. Одна надежда у него осталась тогда на царя московского. 16 декабря ушел король; за ним разошлось польское войско. Вслед за тем татары, по условию, страшно опустошили южную Русь до самого Люблина. Однако и поляки не остались без наказания за постыдный договор с ханом, которым они, всегда гордившиеся званием свободной нации, избавили себя от печальной для них необходимости предоставить свободу русскому народу: татары, не разбирая своих жертв, сжигали шляхетские дома и увели в плен множество шляхты обоего пола.

Между тем после решительного ответа, данного панам московскому послу боярину князю Репнину-Оболенско-

му, московское правительство приступило, наконец, к решительному шагу. Оставаться зрителями того, что делалось по соседству, далее было невозможно; предстояла опасность, что казаки отдадутся Турции и, вместе с крымскими татарами, начнут делать опустошения в пределах Московского государства.

Дело было первой важности, и царь Алексей Михайлович 1 октября 1653 г. созвал земский собор всех чинов Московского государства в Грановитой палате.

Думный дьяк изложил все дело о пропусках в титуле, о бесчестных книгах, о том, как гетман Богдан Хмельницкий много лет просил государя принять его под державную руку, о том, как царь предлагал полякам прощение виновных в оскорблении царской чести, с тем, чтоб поляки уничтожили унию и перестали преследовать православную веру, и как поляки отвергли это предложение. Извещалось, наконец, что турецкий царь зовет казаков под свою власть.

Потом отбирался ответ на вопрос; принимать ли гетмана Богдана Хмельницкого со всем войском запорожским под царскую руку?

Бояре дали такое мнение: Ян-Казимир, при избрании на королевство, присягал остерегать и защищать всех христиан, которых исповедание отлично от римско-католического, не притеснять никого за веру и другим не позволять, а если своей присяги не сдержит, то в таком случае подданные его освобождаются от верности ему и послушания. Король Ян-

Казимир присяги своей не сдержал: восстал на православную христианскую веру, разорил многие церкви, обратил в униатские. Стало быть, гетман Хмельницкий и все войско запорожское, после нарушения королевской присяги – вольные люди: от своей присяги свободны. А потому, чтобы не допустить их отдаться в подданство турецкому султану или крымскому хану, следует принять гетмана Богдана Хмельницкого, со всем войском запорожским, со всеми городами и землями, под высокую государеву руку.

Гости и торговые люди вызвались участвовать вспоможениями в предстоявшей войне; служилые люди обещались биться против польского короля, не щадя голов своих, и умирать за честь своего государя. Патриарх и все духовенство благословили государя и всю его державу и сказали, что они будут молить Бога, Пресвятую Богородицу и всех святых о пособии и одолении.

После такого земского приговора царь послал в Переяслав боярина Бутурлина, окольного Алферьева и думного дьяка Лопухина принять Украину под высокую руку государя. Послы эти прибыли на место 31 декабря 1653 года. Гостей с достою почестью принял переяславский полковник Павел Тетеря.

1 января прибыл в Переяслав гетман. Съехались все полковники, старшина и множество казаков. 8 января, после предварительного тайного совещания со старшиной, в одиннадцать часов утра, гетман вышел на площадь, где была со-

брана генеральная рада. Гетман говорил:

«Господа полковники, есаулы, сотники, все войско запорожское! Бог освободил нас из рук врагов нашего восточного православия, хотевших искоренить нас так, чтоб и имя русское не упоминалось в нашей земле. Но нам нельзя более жить без государя. Мы собрали сегодня явную всему народу Раду, чтоб вы избрали из четырех государей себе государя. Первый – царь турецкий, который много раз призывал нас под свою власть; второй – хан крымский; третий – король польский, четвертый – православный Великой Руси, царь восточный. Турецкий царь басурман, и сами знаете: какое утеснение терпят братия наша христиане от неверных. Крымский хан тоже басурман. Мы по нужде свели было с ним дружбу и через то приняли нестерпимые беды, пленение и нещадное пролитие христианской крови. Об утеснениях от польских панов и вспоминать не надобно; сами знаете, что они почитали жида и собаку лучше нашего брата-христианина. А православный христианский царь восточный одного с нами греческого благочестия: мы с православием Великой Руси единое тело Церкви, имущее главою Иисуса Христа. Этот великий царь христианский, сжалившись над нестерпимым озлоблением Православной Церкви в Малой Руси, не презрел наших шестилетних молений, склонил к нам милостивое свое царское сердце и прислал к нам ближних людей с царской милостью. Возлюбим его с усердием. Кроме царской высокой руки, мы не найдем благишнейшего приста-

нища; а буде кто с нами теперь не в совете, тот куда хочет: вольная дорога».

Раздались восклицания:

«Волим под царя восточного! лучше нам умереть в нашей благочестивой вере, нежели доставаться ненавистнику Христову, поганому!».

Тогда переяславский полковник начал обходить казаков и спрашивал: «Все ли тако соизволяете?» – «Все!» – отвечали казаки.

«Боже утверди, Боже укрепи, чтоб мы навеки были едино!» Прочитаны были условия нового договора. Смысл его был таков: вся Украина, казацкая земля (приблизительно в границах Зборовского договора, занимавшая нынешние губернии: Полтавскую, Киевскую, Черниговскую, большую часть Волынской и Подольской) присоединялась под именем Малой России к Московскому государству, с правом сохранять особый свой суд, управление, выбор гетмана вольными людьми, право последнего принимать послов и сношаться с иноземными государствами, неприкосновенность прав шляхетского, духовного и мещанского сословий. Дань (налоги) государю должна платиться без вмешательства московских сборщиков. Число реестровых увеличивалось до шестидесяти тысяч, но дозволялось иметь и более охочих казаков.

Когда приходилось присягать, гетман и казацкие старшины домогались, чтобы московские послы присягнули за своего государя так, как всегда делали польские короли при из-

брании своем на престол. Но московские послы уперлись, приводя, что «польские короли неверные, несамодержавные, не хранят своей присяги, а слово государево не бывает переменно», и не присягнули. Когда, после того, послы и приехавшие с ними стольники и стряпчие поехали по городам для приведения к присяге жителей, малороссийское духовенство неохотно соглашалось поступать под власть московского государя. Сам митрополит Сильвестр Коссов, хотя и встречал за городом московских послов, но внутренно не был расположен к Москве. Духовенство не только не присягнуло, но и не согласилось посылать к присяге шляхтичей, служивших при митрополите и других духовных особах, монастырских слуг и вообще людей из всех имений, принадлежащих церквам и монастырям. Духовенство смотрело на московских русских как на народ грубый, и даже насчет тождества своей веры с московской происходило у них сомнение. Некоторым даже приходило в мысль, что москали велят перекрещиваться. Народ присягал без сопротивления, однако и не без недоверия: малорусы боялись, что москали станут принуждать их к усвоению московских обычаев, запретят носить сапоги и черевики, а заставят надевать лапти. Что касается до казацкой старшины и приставших к казакам русских шляхтичей, то они вообще, скрепя сердце, только по крайней нужде отдавались под власть московского государя; в их голове составился идеал независимого государства из Малороссии. Хмельницкий отправил своих послов, которые

были приняты с большим почетом. Царь утвердил Переяславский договор и, на основании его, выдал жалованную грамоту.

Московское правительство формально объявило Польше войну. Она вспыхнула разом и на Украине, и в Литве. Весной 1654 г. польское войско вступило в Подол и начало производить убийственную резню. Город Немиров был истреблен до основания. 3 000 жителей столпились в большом каменном погребе; поляки стали выкуривать их оттуда дымом, предлагали пощаду, если выдадут старших. Никто не был выдан, и все задохлись в дыму. Отсюда поляки разошлись по разным путям отрядами и, где только встречали местечко, деревню, истребляли там и старого и малого, а жилища сжигали. Везде русские защищались отчаянно косами, дубьем, колодами; все решались лучше погибнуть, чем покориться ляхам. На первый день Пасхи поляки вырезали 5 000 русского народа в местечке Мушировке: и там русские не слушались никаких увещаний и погибали, защищаясь до последней капли крови. Но казаки отбили поляков от крепких городов Брацлавля и Умани, и они до времени вышли из Украины.

В Литве дела пошли счастливо для русских. Царь разослал грамоту ко всем православным польского королевства и великого княжества литовского, убеждал отделиться от поляков, обещая сохранить их дома и достояние от воинского разорения. В грамоте уговаривали православных постричь на головах хохлы, которые носили по польскому обычаю:

так много придавали в Москве значения внешним признакам. Едва ли эта грамота имела большое влияние; гораздо более помогало успехам царя чувство единства веры и сознание русской единородности. Могилев, Полоцк, Витебск сами добровольно отворили ворота и признали власть царя. Смоленск держался упорнее; но князь Радзивилл, шедши на выручку Смоленска, 12 августа был разбит наголову князем Трубецким и казацким полковником Золотаренком. Смоленск держался еще до конца сентября, наконец воевода Филипп Обухович, видя, что ему нет ниоткуда помощи, сдал город, выговоривши себе с гарнизоном свободный пропуск; царь вступил в Смоленск и приказал обратить в православные церкви костелы, которые были поделаны поляками из церквей.

Между тем поляки нашли себе союзников в крымцах. Ислама-Гирея уже не было на свете: одна малороссиянка, взятая в его гарем, отравила его в отомщение за измену ее отечеству. Новый хан Махмет-Гирей, ненавистник Москвы, заключил договор с поляками. Зимой, в ожидании вспомогательных татарских сил, поляки опять ворвались в Подол и начали резать русских. Местечко Буша первое испытало их месть. В этом местечке, расположенном на высокой горе и хорошо укрепленном, столпилось до 12 000 жителей обоего пола. Никакие убеждения польских военачальников Чарнецкого и Лянскоронского не подействовали на них, и, когда, наконец, поляки отвели воду из пруда и напали на сла-

бое место, русские, видя, что ничего не сделают против них, сами зажгли свои дома и начали убивать друг друга. Женщины кидали в колодцы своих детей и сами бросались за ними. Жена убитого сотника Завистного села на бочку пороха, сказав: «Не хочу после милого мужа достаться игрушкой польским жолнерам», и взлетела на воздух. Семьдесят женщин укрылись с ружьями недалеко от местечка в пещере, закрытой густым терновником. Полковник Целарий обещал им жизнь и целостность имущества, если они выйдут из пещеры; но женщины отвечали ему выстрелами. Целарий велел отвести воду из источника в пещеру. Женщины все потонули; ни одна не сдалась. После разорения Буши поляки отправились по другим местечкам и селам; везде русские обоюбого пола защищались до последней возможности: везде поляки вырезали их, не давая пощады ни старикам, ни младенцам. В местечке Демовке происходила ужаснейшая резня: там погибло 14 000 русского народа. Коронный гетман писал королю: «Горько будет вашему величеству слышать о разорении вашего государства; но иными средствами не может усмириться неукротимая холопская злоба, которая до сих пор только возрастает».

Вслед за тем прибыла к полякам на помощь Крымская орда, и они вместе с татарами двинулись далее в глубь Украины. Полковник Богун отбил их от Умани. Поляки с татарами пошли на Хмельницкого, который с боярами Бутурлиным и Шереметевым стоял под Белой Церковью. Взявши с

собой Шереметева, Хмельницкий пошел навстречу неприятелю. Близ деревни Бавы встретились неприязненные войска: оказалось, что у Хмельницкого и Шереметева войска было меньше. Русские отступили, но чрезвычайно храбро и стойко отбились от преследовавших их поляков и татар. Не отваживаясь нападать на русский обоз под Белой Церковью, поляки опять пустились разорять украинские села и местечки.

Но вслед за тем, в 1655 г., московские русские получили чрезвычайный успех в Литве. Они взяли Минск, Ковно, наконец Вильно. Алексей Михайлович въехал в столицу Ягеллонов и повелел наименовать себя великим князем литовским. Города сдавались за городами, большей частью без всякого сопротивления. Мещане и шляхтичи, сохранившие православие, а еще более угнетенные владычеством панов поселяне, принимали московских людей как освободителей. Успех был бы еще действительнее, если бы московские люди вели войну с большим воздержанием и не делали бесчинств и насилий над жителями.

В то время когда уже вся Литва была в руках Московского государя, Польшу наводнили шведы. Уже несколько лет Хмельницкий сносился со шведами и побуждал их к союзу против поляков. В 1652 году, вместе с Хмельницким, действовал с этой же целью изменник польский подканцлер Радзиевский; но пока царствовала королева Христина, предпочитавшая классическую литературу и словесность военной

славе, трудно было впутать шведов в войну. В 1654 году она отреклась от престола: племянник и преемник ее Карл X объявил Польше войну за присвоение польским королем титула шведского короля. Летом 1655 года он вступил в Польшу. Познань, а потом Варшава – сдались без боя. Краков, защищаемый Чарнецким, держался до 7 октября и все-таки сдался. Король Ян-Казимир убежал в Силезию. В это время Хмельницкий с Бутурлиным двинулись в Червонную Русь, разбили польское войско под Гродеком, осадили

Львов; но этот город, несмотря ни на какие убеждения, не хотел нарушить верности Яну-Казимиру и присягнуть Алексею Михайловичу. Между казацкими вождями и московскими боярами тогда уже происходили недоразумения. Хмельницкий ни за что не позволял брать штурмом Львов.

Здесь явился к Хмельницкому 29 октября посланец от Яна-Казимира Станислав Любовицкий, давний знакомый Хмельницкого, и привез от своего короля письмо, исполненное самых лестных и даже униженных комплиментов, хотя у Любовицкого было в это время другое письмо к татарскому хану, враждебное Хмельницкому. Беседа с Любовицким в высшей степени замечательна как по отношению к характеру Хмельницкого, так и по духу времени.

«Любезный кум, – сказал ему Хмельницкий, – вспомните, что вы нам обещали и что мы от вас получили? Все обещания ваши давались по науке иезуитов, которые говорят: не следует держать слова, данного схизматикам. Вы называ-

ли нас холопами, били нагайками, отнимали наше достоинство, и, когда мы, не терпя ваших насилий, убежали и покидали жен наших и детей, вы насильвовали жен наших и сжигали бедные наши хаты иногда вместе с детьми, сажали на колья, в мешках бросали в воду, показывали ненависть к русским и презрение к их бессилию; но что всего оскорбительнее, – вы ругались над верой нашей, мучили священников наших. Столько претерпевши от вас, столько раз бывши вами обмануты, мы принуждены были искать, для облегчения нашей участи, такого средства, какого никаким образом нельзя оставить. Поздно искать помощи нашей! Поздно думать о примирении казаков с поляками!»

Любовицкий, поддельваясь к Хмельницкому, стал бранить польское шляхетство за то, что оно оставило короля своего в беде, и сказал: «Теперь король будет признавать благородными не тех, которые ведут длинный ряд генеалогии от дедов, а тех, которые окажут помощь отечеству. Забудьте все прошедшее, помогите помазаннику Божьему. Вы будете не казаками, а друзьями короля. Вам будут даны достоинства, коронные имения; король уже не позволит нарушать спокойствия этим собакам, которые теперь разбежались и покинули своего господина».

«Господин посол, – сказал Хмельницкий, поговоривши с казацкой старшиной, – садитесь и слушайте: я вам скажу побасенку. В старину жил у нас поселянин, такой зажиточный, что все завидовали ему. У него был домашний уж, который

никого не кусал. Хозяева ставили ему молоко, и он часто ползал между семьей. Однажды хозяйскому сыну дали молока; приполз уж и стал хлебать молоко; мальчик ударил ужа ложкой по голове, а уж укусил мальчика. Хозяин хотел убить ужа; но уж всунул голову в нору, и хозяин отрубил только хвост. Мальчик умер от укушения. Уж не выходил после того из норы. С этих пор хозяин начал беднеть и обратился к знахарям узнать причину этого. Ему отвечали: в прошлые годы ты хорошо обходился с ужом и уж принимал на себя все грозившие тебе несчастья, а тебя оставлял свободным от них. Теперь, когда между вами стала вражда, все бедствия обрушились на тебя; если хочешь прежнего благополучия, примиришься с ужом. Хозяин стал приглашать ужа заключить с ним прежнюю дружбу, а уж сказал ему: напрасно хлопочешь, чтобы между нами была такая дружба, как прежде. Как только я посмотрю на свой хвост, тотчас ко мне возвращается досада; а ты, как только вспомнишь сына – тотчас закипит в тебе отцовское негодование, и ты готов размозжить мне голову. Поэтому достаточно будет дружбы между нами, если ты будешь жить в твоём доме как тебе угодно, а я в своей норе, и будем помогать друг другу. То же самое, господин посол, произошло между поляками и русскими. Было время, когда мы вместе наслаждались счастьем, радовались общим успехам. Казаки отклоняли от королевства грозящие ему опасности и сами принимали на себя удары варваров. Тогда никто не брал добычи из Польского королевства. Польские войска

совокупно с казацкими везде торжествовали. Но поляки, называвшие себя детьми королевства Польского, начали нарушать свободу русских, а русские, когда им сделалось больно, стали кусаться. Случилось, что и русских большая часть отсечена, и сынов королевства немало пропало. С тех пор как этим народам придут на память бедствия, нанесенные друг другу, тотчас возникает досада, и хотя начнут мириться, а дела не доведут до конца! Мудрейший из смертных не может восстановить между нами твердого и прочного мира, как только вот как: пусть королевство Польское откажется от всего, что принадлежало княжествам земли русской, пусть уступит казакам всю Русь до Владимира, Львов, Ярославль, Перемышль, а мы, сидя себе в своей Руси, будем отклонять врагов от королевства Польского. Но я знаю: если бы в целом королевстве осталось только сто панов, и тогда бы они не согласились на это. А казаки, пока станут владеть оружием, также не отстанут от этих условий. Поэтому – прощайте».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.